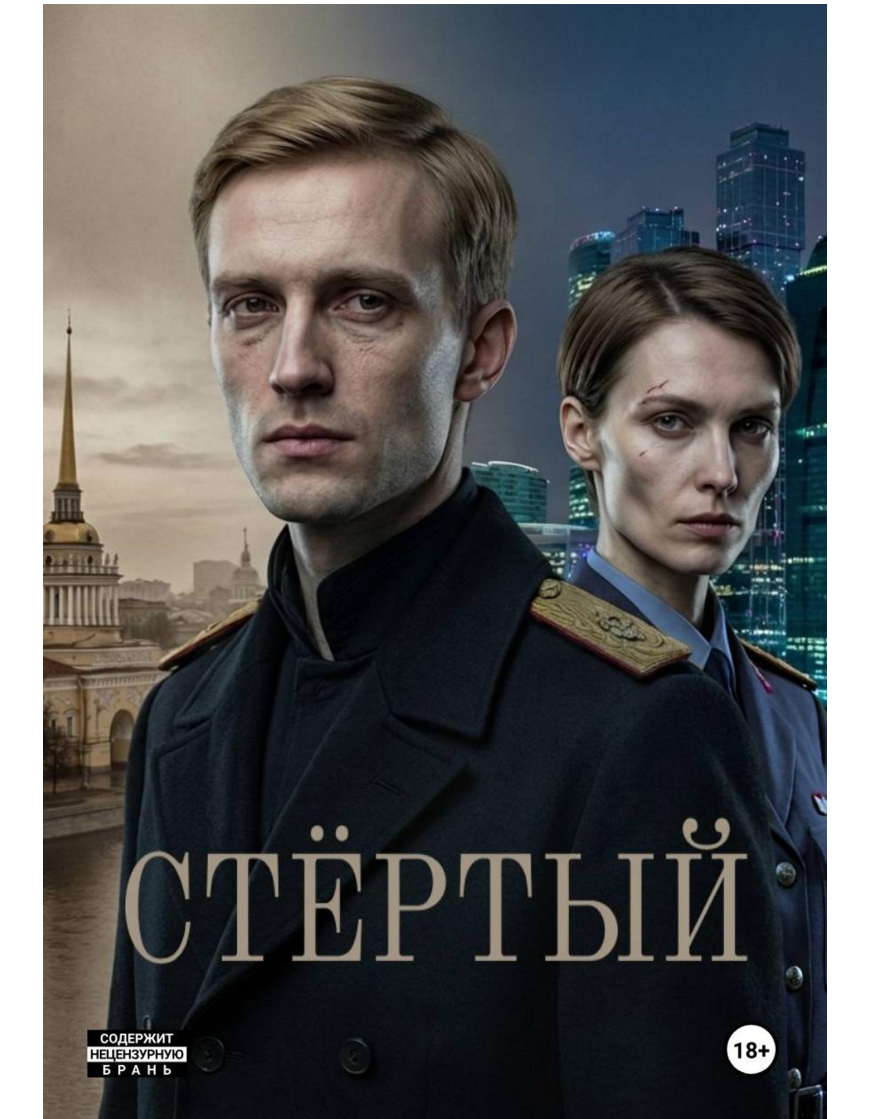

A movie poster featuring a man and a woman in military uniforms. The man is in the foreground, looking serious, with a cityscape in the background. The woman is behind him, also serious, with a cityscape in the background. The title 'СТЁРТЫЙ' is written in large, stylized letters across the bottom.

СТЁРТЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Никитин

Анахронизм. Стёртый

<https://litres.ru/74463212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он проснулся в XXI веке с воспоминанием: позади — ледяной Петербург 1824 года. Теперь перед ним Москва-Сити, стекло и бетон.

Капитан-лейтенант Императорского флота Бельский должен заново учиться говорить с этим миром, где честь офицера покупается, кадры решают всё, а легализация любой личности в государственной системе занимает меньше суток.

Расследуя таинственное исчезновение цифрового магната, Бельский понимает, что стереть здесь могут кого угодно. Даже того, кого история однажды стёрла.

Содержание

ГЛАВА I. Котлованъ	6
2	9
3	13
ГЛАВА II. Полицейскій участокъ	18
1	18
2	25
ГЛАВА III. Гильза	35
ГЛАВА IV. Высокій грѣхъ	47
2	50
3	54
4	59
5	67
ГЛАВА V. Покровитель	70
1	70
2	75
3	79
ГЛАВА VI. Нарядъ для призрака	85
1	85
2	90
3	95
4	97
ГЛАВА VII. Канцелярія	101
1	101

2	105
3	111
4	115
5	118
6	122
ГЛАВА VIII. Стёртый	128
1	128
2	133
3	138
4	147
ГЛАВА IX. Чемоданъ исторіи	152
1	152
2	157
3	164
4	169
5	175
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Роман Никитин

Анахронизм. Стёртый

Анахронизм. Книга первая: Стёртый

ГЛАВА I. Котлованъ

1

Сознание возвращалось не светом, а болью — тупой, пульсирующей в затылке, словно били в корабельную рынду изнутри черепа.

Он лежал, уткнувшись лицом во что-то холодное и крошащееся, пахнущее сырой известью. Где же вода? Ведь была вода. Ледяная, чёрная, невская вода, заливающая подвалы Адмиралтейства. Он помнил, как бежал по коридору, как кричал писарь, как свод пошёл трещинами и рухнул, а потом — ничего.

Теперь — тишина. И сухо. И неестественно тепло.

Александр Платонович открыл глаза. Темнота. Не полная — где-то далеко, на границе восприятия, дрожал отсвет. Он моргнул, поднёс ладонь к лицу. Пальцы пахли не илом и не солью, а едкой химической горечью, незнакомой и тревожной. Он сел, упёрся плечом в низкий свод над головой и замер, пытаясь собрать мысли в подобие порядка.

Первая мысль: жив. Вторая: это не Петербург. Это вообще не похоже ни на одно место, где он бывал за тридцать пять лет жизни, — а бывал он, по флотской своей службе, и в Кронштадте, и в Портсмуте, и в Неаполе.

Он двинулся к свету — на карачках, согнувшись, по узкому лазу между неровных, щербатых стен, сложенных из се-

рого, грубого камня, похожего на застывший песок. Лаз вывел его наверх. Он выбрался, цепляясь за обломки, и, поднавившись во весь рост, поднял голову.

И замер.

Небо было на месте. С небом всё было в порядке — бледно-синее, ноябрьское, с перистыми облаками, похожими на паруса далёкой эскадры. Но под этим небом стояли они.

Он не понял, что это такое. Не понял сразу. Никогда в жизни он не видел ничего подобного. Из земли вырастали исполинские кристаллы — прозрачные, сверкающие, уходящие ввысь так далеко, что облака цеплялись за их верхушки, как дым за клотик мачты. Но эти штуки не были мачтами. Они были колоссальны. Чудовищны. Невозможны. Каждая из них превосходила высотой Исаакиевский собор, а то и две колокольни, поставленные одна на другую. И они светились — изнутри, как будто в их стеклянных внутренностях горел холодный огонь.

Бельский попятился, задрал голову до хруста в шее, пытаясь охватить взглядом хотя бы одну из этих башен целиком, — и не смог. Как если бы он, стоя на шканцах брига, пытался разглядеть верхушку грот-мачты, уходящей в самое небо, — только мачта эта была из стекла и стали и держала на себе не паруса, а облака.

— Господи Вседержителю, — прошептал он. — Что же это такое?..

Моряк в нём машинально оценил расстояние до горизон-

та, высоту, отсутствие видимых опор, и от этой оценки закружилась голова.

Он сделал шаг, потом второй. Ноги дрожали — не от слабости, от того, что разум отказывался собирать картину в целое. Под ногами хрустело. Он наклонился, поднял какой-то предмет: маленький металлический цилиндрик, тускло-жёлтый, с кольцевой насечкой. Повертел в пальцах. Он машинально сунул находку в карман и двинулся дальше.

За краем котлована обнаружилась дорога.

Сначала он услышал звук. Низкое, утробное гудение, переходящее в свист, в вой, в рокот — так шумит прибой в шторм, но здесь не было моря. Он приблизился к источнику звука, выглянул из-за железного забора — и отдёргнул голову, как от удара.

По широченной и нечеловечески ровной дороге неслись бесноватые колесницы.

Он не мог подобрать другого слова. Короба, разноцветные, блестящие, мчались один за другим с невообразимой скоростью, обгоняя друг друга, ныряя под землю и выныривая снова. Лошадей не было. Кучеров не было. Ничего — только короб и рёв. Некоторые из них везли в себе людей, и люди сидели внутри спокойно, глядя вперёд, будто это было в порядке вещей — доверить свою жизнь безумной самобеглой повозке.

«Как шлюпки, сорвавшиеся с талей, — мелькнуло в голо-

ве, — несутся сами собой, и никто не вызывает о помощи».

Одна из колесниц замедлилась, прижалась к обочине, и из неё вышли двое. Женщина и мужчина. Одежды их были странны — короткие, обтягивающие, без единой пуговицы. Мужчина держал в руке плоскую блестящую пластину размером с ладонь. Он поднёс её к уху и заговорил.

Бельский смотрел, не моргая. Человек разговаривал с куском стекла. Или металла. Или это зеркальце такое? Но тогда с кем он говорит? С самим собой? Нет, он явно слушал ответ — кивал, хмурился. Переговорное устройство? Но где провода? Где труба?

— Эй! — позвал Бельский. — Эй, сударь!

Его не слышали. Слишком далеко. Слишком громко вокруг.

Он выбрался из котлована и, пошатываясь, пошёл вдоль забора. Мундир — тёмно-зелёный, с чёрным, с остатками золотого шитья на воротнике, — был изорван и испачкан. Эполеты чудом уцелели, но левый висел на одной нитке. Сапоги ещё держались. Кортик отсутствовал — потерял, должно быть, в воде, или его унесло вместе с водой, или вода унесла его одного, без кортика, в этот безумный мир.

Он миновал угол забора, свернул — и вышел прямо к широкому проспекту, залитому людьми.

Толпа. Сотни людей, текущих сплошным потоком по каменным берегам проспекта. И каждый пятый держал в руках ту самую плоскую пластину. Некоторые прижимали её к уху,

как тот мужчина. Другие тыкали в неё пальцами, и пластина отзывалась, меняла цвета, вспыхивала, показывала какие-то картины. Третьи и вовсе подносили её на вытянутой руке, целились в себя и замирали на секунду — как пишут портрет, но без холста и красок.

Что это? Зачем они это делают? Он не мог понять. Не мог даже начать догадываться. Это было за пределами его картины мира, и от этого хотелось зажмуриться, как от яркого света.

Одна из фигур — юноша в мешковатой одежде, с белыми кругляшами в ушах, от которых тянулись змейки то ли верёвочек, то ли трубочек, — заметил Бельского, подошёл и остановился, разглядывая, как небывальщину. Потянул ладони к ушам и убрал кругляши.

— Ого, — сказал юноша. — Дядь, вы откуда такой? Это чё, реконструкция?

Бельский не понял про реконструкцию, но общий смысл до него дошёл.

— Любезный государь, — сказал он. — Ради всего святого, скажите: где я нахожусь? Что это за город?

— Москва, — сказал юноша, оглядывая его всё более круглыми глазами. — Москва-Сити. Дядь, вы как сюда попали? Тут стройка вообще-то. Вон там — он показал туда, откуда вышел Бельский, — запретка. И охрана злая.

Бельский снова ничего не понял, кроме того, что он в Москве.

За семьсот вёрст от Петербурга. Каким образом? Когда? По какой причине? Последнее, что он помнил, — подвал Адмиралтейства, ледяной поток, крик писаря. А теперь Москва. И эти башни. И эти колесницы.

— Какой... — голос сорвался. — Какой ныне год?

Юноша посмотрел на него с растущей тревогой — и с искрой любопытства, что для молодых людей всегда важнее тревоги.

— Две тысячи двадцать шестой, — сказал он. — А какой ещё?

Две тысячи двадцать шестой.

Бельский услышал эти слова, и мир покачнулся. Он ухватился за какую-то железяку, торчащую из забора, и с минуты стоял, дыша часто и неглубоко, как выброшенный на берег человек после кораблекрушения. Двести лет. С лишком. Двести два года.

Анна Сергеевна. Супруга его. Она осталась там, в ноябре двадцать четвёртого, в их доме на Васильевском. Ждала его к обеду. Волновалась. И не дождалась. И дочь, Дашенька о семи годах, которая только-только начала выводить буквы и мечтала, чтобы папенька взял её на корабль. Все они — все — давно обратились в прах. В землю. В тлен.

— Дядь? Дядь, вам плохо? Давайте присядем.

Юноша взял его за локоть. Бельский дёрнулся, но не сбросил руку. Почему-то это прикосновение — чужое, незваное — было естественным. В этом мире. Где стеклянные утёсы рвали небо.

— Ничего, — сказал он. — Пустяки. Я владею собою.

— Да ни фигя не владеете, — сказал юноша, как будто с трудом стыкуя свои непонятные слова с ясными «не владеете». — Вы бледный, как смерть. И прикид на вас... Вы вообще кто?

Бельский выпрямился. Медленно. Тщательно. Распрянул

позвоночник по одному позвонку — так, как выпрямлялся на мостике перед докладом старшему офицеру. Это движение ещё оставалось при нём.

— Капитан-лейтенант Российского императорского флота, — произнёс он. — Бельский Александр Платонович. Офицер для особых поручений Адмиралтейств-коллегии. Честь имею.

Он ожидал реакции. Но не той, что последовала. Юноша сначала моргнул. Потом улыбнулся — не нагло, а как-то растерянно.

— Это... шутка? — спросил он. — Или вы реально...

Договорить он не успел. Из железной двери в заборе вышли трое. Все в одинаковом чёрном, с палками на поясах. Дубинки. Простое, грубое оружие.

Один из троих — коренастый, с пятнистым лицом, — заметил их и двинулся к ним.

— Эй, — крикнул он. — Территория закрытая.

Юноша засуетился, но не спасовал, а ответил, насколько хватало решимости:

— Мы не за забором.

— А я и не тебе, ему. — Он указал на Бельского. — Этот по стройке лазал. Ты кто такой, спрашиваю?

Бельский не двинулся с места. Молодой человек дёрнулся, ступил шаг навстречу хаму.

— А вы что, из полиции, что ли?

— А ты его адвокат, что ли? — Охранник осклабился. —

Я не с тобой разговариваю, шкед.

— А хамить мне не надо, — сказал парень, лишь отошёл зачем-то на шаг, вынул из внутреннего кармана стеклянную пластину — точь в точь, как у той пары из колесницы, — и наставил на пятнистого. На оборотной стороне стекла виднелись маленькие круглые стекляшечки, словно иллюминаторы.

— И только подойдите, — предупредил юноша, держа прямоугольник перед собой.

Бельский сначала подумал, что оружие, но поза молодого человека выдавала скорее защиту через предупреждение, чем через угрозу. Бельский вышел вперёд.

Он стоял, выпрямившись во весь рост — рост, кстати, немалый, — в своём рваном мундире, с эполетами, висящими на одной нитке, небритый, грязный, пахнущий известью и химической горечью, и смотрел на приближающегося человека с дубинкой. И в груди его, поверх тошноты, поверх ужаса, поверх скорби по Анне и Дашеньке, поднималось что-то ещё. Старое. Знакомое. То, с чем он шёл на голландского рейдера в бытность свою мичманом. Ярость.

Человек с дубинкой повернулся к нему.

— Итак, кто такой, спрашиваю?

— Имени вам моего знать необходимости нет, — ответил Бельский. — Пока не представитесь, как должно. Мой чин — капитан-лейтенант.

Пауза. Долгая. Охранник переваривал услышанное, и на

его лице медленно проступало выражение, с которым человек смотрит на безобидного, но буйного сумасшедшего.

— Ага, — сказал он наконец. — Артист, или ты сейчас валишь отсюда, или я вызываю наряд, и ты едешь в обезьянник.

— На основании чего? — подал голос парень из-за плеча Бельского.

Охранник ответить не успел, Бельский ответил чётко и прямо в пятнистое лицо.

— Вы изволите находить нечто забавное в моём мундире? — спросил Бельский ледяным тоном и сам удивился, откуда у него силы собраться. — Или в моём звании?

Охранник скользнул взглядом по его плечам. По эполетам. По остаткам золотого шитья на воротнике.

— Из цирка, что ль?

И заржал, но принуждённо, как обычно смеются, не зная, что ответить. Двое за его спиной подхватили. Один при этом косился на юношу за спиной Бельского.

Бельский не шевельнулся. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он только перевёл взгляд с лица охранника на его дубинку, потом на его ботинки, потом снова на лицо. Медленно. Как будто записывал приметы в судовой журнал.

— Я удалюсь, ибо разговаривать с вами не желаю, — сказал он ровно. — Но будьте так милостивы указать, где находится ближайшее полицейское управление: мне надлежит о себе донести.

— Участок, что ли? — охранник махнул дубинкой куда-то влево и сказал с видимым облегчением. — Два квартала прямо, налево, увидишь. Только ты туда в таком виде не ходи. Закроют, и на погоны не посмотрят.

Снова смех.

Бельский повернулся к ним спиной. Это был жест, который означал: разговор окончен, и не вам его продолжать. Он пошёл прочь, не оборачиваясь, хотя спина между лопаток чесалась в ожидании удара дубинкой.

Удара не последовало. Только смех за спиной, удаляющийся, и шаги юноши, который почему-то пошёл за ним. Бельский прошёл с минуту, прежде чем остановился и посмотрел за спину. Молодой человек, держа дистанцию, однако следовал точно за ним.

— Вы желаете составить мне компанию, или хотите проследить, не заблужусь ли я? — спросил он, когда парень подошел ближе.

— Не знаю... — молодой человек пожал плечами. — Давайте, я с вами до полиции, что ли. Видео покажу. А то менты не поверят.

Бельский окончания фразы не понял совершенно, но уточнять не стал, кивнул и продолжил путь.

Он шёл, глядя прямо перед собой, и в голове его билась одна-единственная мысль, которую он повторял про себя, как молитву, как команду, отдаваемую самому себе:

«Жив».

ГЛАВА II. Полицейскій участокъ

1

Полицейскій участок, как называли тут околоток, оказался не таким, каким Бельскій представлял его себе.

Ни тебе будки с будочником, ни съезжей избы, ни частного пристава. Серое трёхэтажное здание за стеклянными дверьми. Над входом — герб: двуглавый орёл с Победоносцем на груди, но почему-то на фоне флага торгового флота. Бельскій всмотрелся было повнимательнее, но юноша — его звали Егор, он успел представиться, — уже тянул дверь.

Внутри пахло не табаком и не сапогами, а чем-то химически чистым, как в аптекарской лавке. Яркий свет, льющий-ся с потолка без видимых светильников. Гладкий пол. За стеклянной перегородкой сидел человек в тёмно-синей форме, склонившись над столом. Перед ним стояла плоская доска, утыканная литерными костяшками, — и человек быстро-быстро ударял по ним пальцами, а на вертикальной светящейся доске перед ним возникали строки текста.

Дежурный поднял голову. Это был мужчина лет пятидесяти, с усталым лицом и аккуратными усами — не франтовскими, а уставными, какие носили унтер-офицеры. Нашивки на форме были Бельскому незнакомы, однако на плечах

— тряпичное подобие простецких эполет, на каждом — по золотой полосе. Золотой! Однако общий вид служивого говорил о невысоком чине и долгих годах службы.

— Слушаю, — сказал он. Голос ровный, без агрессии, но и без лишнего тепла. Служебный голос.

Егор замялся. Бельский шагнул вперёд.

— Капитан-лейтенант Российского императорского флота Бельский Александр Платонович, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и буднично. — Офицер для особых поручений Адмиралтейств-коллегии. Честь имею. Я прибыл с тем, дабы о себе донести и объяснить моё пребывание в сем городе.

Дежурный моргнул. Медленно перевёл взгляд с лица Бельского на его рваный мундир, на эполет, висящий на одной нитке, на грязные сапоги. Потом посмотрел на Егора.

— Это что? — спросил он и, заметив неодобрительный взгляд Бельского, поправился. — Кто?

— Не знаю, — сказал Егор. — Я просто мимо шёл, смотрю — к странному челу чопы со стройки докопались, хоть он и не в охранной зоне был. Он их послал — а потом, говорит, скажите, как в полицию дойти. А я, кстати, заснял. Нужно, нет?

Дежурный вздохнул — так вздыхает человек, который за смену видел уже пятнадцать странных, но этот был шестнадцатым и самым странным.

— Документы есть?

— Никак нет-с, — ответил Бельский.

— Почему?

— Утрачены при чрезвычайных обстоятельствах: я попал в наводнение.

— Когда?

— Седьмого ноября.

— На дворе октябрь, — усмехнулся усатый.

— Седьмого ноября тысяча восемьсот двадцать четвёртого года, — дополнил ответ Бельский.

Пауза. Дежурный смотрел на Бельского, и на его лице медленно проступало что-то среднее между усталостью и профессиональным сочувствием.

— Понял, — сказал он. — Давайте так. Вы пока присядьте. Я сейчас вызову, с вами поговорят. Вас... не затруднит, господин лейтенант?

— Капитан-лейтенант, — поправил его Бельский. — С кем имею честь?

Мужчина в форме переглянулся с Егором, словно они тут вместе работали. Наконец усатый взял себя в руки и представился:

— Старшина Петров. Главное управление Министерства внутренних дел России по городу Москве. Достаточно?

Бельский кивнул и, удержался от улыбки при словах «внутренние дела», и даже чуть пристукнул каблуками. Хотя сам недоумевал, что флотский делает в полиции. Потом послушно отошел в сторону и сел на жёсткий стул у стены.

Егор после недолгой беседы с полицейским, сел рядом и тут же достал свою плоскую пластину. Нажал на неё — и пластина засветилась, явив цветную картину, яркую до неправдоподобия.

Бельский невольно скосил глаза. И застыл.

На пластине было изображение. Не рисунок. Не гравюра. Изображение такой точности и такого цвета, каких он не видел никогда в жизни. Лицо девушки — живое, объёмное, с румянцем на щеках, с прядями волос, различимыми по отдельности. Девушка улыбалась, и улыбка её была схвачена в один-единственный миг, как будто время замерло.

— Что сие такое? — спросил он шёпотом.

— Чё? — Егор поднял голову. — А, это? Да незнакомка. Щёлкнул из толпы.

— Сударь, я интересуюсь не личностью этой молодой особы, — объяснил Бельский. — А тем, как воспроизводится изображение.

— Так это фотка, — чуть удивленно ответил юноша. — Ну, фотография. Снимок.

Фотография. Бельский слышал это слово — кажется, что-то такое изобретал француз Ньепс. Но то были слухи, лабораторные опыты, неясные и спорные. А здесь — вот она, эта пластина с фотографией. В руках у мальчишки, яркая, мгновенная, цветная, как сама жизнь.

— Она... в цвете, — проговорил Бельский. — И столь мала, и столь ясна... Как же такое возможно?

— Ну, телефон, — сказал Егор, пожав плечами. — Камера. Вы чё, никогда не видели?

— Нет, — сказал Бельский. — Никогда не видывал.

Егор уставился на него. Потом, после паузы, протянул пластину:

— Хотите посмотреть? Тут можно пальцем перелистывать. Вот, смотрите.

Бельский взял в руки — осторожно, как бомбу. Под пальцами она была тёплой и гладкой. На пластине всё ещё светила девушка. Он провёл пальцем, как показал Егор, — и изображение сменилось другим: городская улица, залитая солнцем, с теми самыми стеклянными башнями на заднем плане. Провёл ещё — ещё одна девушка, другая. Провёл ещё — море. Море, снятое с высоты птичьего полёта, синее до рези в глазах, с барашками волн, замершими на лету.

Бельский вздрогнул. Он видел море тысячи раз — и жалел, что воспоминания об этом останутся лишь у него в памяти. Денег на услуги художника-мариниста даже у капитан-лейтенанта не было. А тут — готовая картина в руках. Как портрет незнакомки.

— Господи милостивый... — выдохнул он. — Да это ж истинное чудо.

— Да ладно, обычный смартфон, — сказал Егор, но в голосе его не было насмешки. Скорее, смущение. — У всех такой.

Бельский вернул пластину. Пальцы его дрожали.

— У всякого, — повторил он. — У каждого встречного. Светопись — в кармане. Или письмо — без бумаги. Или повозки — без лошадей... Что же это за век такой?

— Двадцать первый, — сказал Егор. — Обычный.

Из глубины коридора вышел человек в форме — постарше дежурного, с более сложными нашивками. Но эполеты такие же простые, без шитья. Как тонкие дощечки — на каждой по две пятиконечных звезды на двух просветах. Так, уже звезды, не просто плашки, как у первого. Наверняка старший офицер.

Офицер подошёл к ним, оглядел тут же поднявшегося со стула Бельского.

— Вы тот капитан-лейтенант? Пройдёмте.

Дежурный что-то шепнул ему на ухо.

— Простите... великодушно, — на лице старшего мелькнула и исчезла улыбка. — Не представился. Меня зовут Игнат Андреевич Храпов, я подполковник полиции.

Он встал ровнее — хоть и не во фрунт.

Бельский подобрался. Подполковник? Во флоте такому чину соответствовал капитан второго ранга — прямой начальник, перед которым капитан-лейтенант стоял навтыжку и докладывал по всей форме. Рефлекс сработал прежде рассудка: каблуки мягко стукнули друг о друга, спина выпрямилась, подбородок пошёл вверх.

— Ваше высокоблагородие... — произнёс он и осёкся на полуслове.

Храпов чуть приподнял бровь.

— Простите, — Бельский кашлянул. — Привычка. Бельский Александр Платонович, капитан-лейтенант Российского императорского флота, офицер для особых поручений Адмиралтейств-коллегии. Честь имею.

Храпов помолчал секунду. Потом кивнул — сдержанно, но без насмешки:

— Взаимно. Пройдёмте, Александр Платонович.

Кабинет был невелик размером и совершеннейшим образом безлик. Стол, два стула, шкаф, на столе — такая же лицевая доска, как у дежурного, и такая же светящаяся доска над ней, без текста. Здесь на ней светился герб, в основе которого узнавался всё тот же двуглавый орёл на трёхцветном фоне. Тут, правда, ещё были скрещенные шашки позади. Что ж, эмблема воинского братства на гербе полиции, сплошь состоящей, как уже понял Бельский, из кадровых военных — разумно.

Храпов предложил место, сам сел напротив, сложил руки на столе.

Только после этого Бельский позволил себе сесть на указанное место.

Храпов был вежлив. Очень вежлив. Именно так, как бывают вежливы полицейские чины (даже с военным прошлым), когда имеют дело с человеком, который может оказаться и опасным, и больным, и жертвой, и свидетелем — и лучше до поры не выбирать ни одну из ролей.

— Я выслушал ваш разговор с дежурным. Теперь хочу услышать от вас лично. Кто вы? Откуда? Как оказались на стройке?

Бельский не стал спрашивать, каким образом Храпов слышал разговор с дежурным. Захочет — сам скажет. И отве-

тил ему по существу. Рассказал коротко — без «сударей» и цветистых оборотов, как докладывал бы старшему офицеру в походе. Адмиралтейств-коллегия. Подвал. Наводнение. Провал — и пробуждение в котловане. Приметы места: башни, колесницы, толпа с пластинами.

Подполковник слушал, не перебивая. Его лицо оставалось неподвижным. Только раз он бросил короткий взгляд на экран, пробежал пальцами по кнопкам — и Бельский заметил, как на экране мелькнула какая-то страница с текстом. Да это, пожалуй, не печатная машинка, а какая-то форма телеграфа. Храпов ведь ничего не печатал, а текст — вот он.

Когда Бельский закончил, подполковник, как и следовало ожидать, помолчал. Потом сказал:

— Вы сами понимаете, что ваш рассказ звучит... необычно?

— Вполне разумею, — сказал Бельский. — Он и для меня самого звучит необычайно. Я не ведаю, как сие истолковать. Каким образом очутился здесь. Знаю одно: седьмого ноября я вошёл в подвал Адмиралтейства — и очнулся в вашем городе, по прошествии двух столетий. И ныне я тщусь уразуметь, жив ли я, сплю ли, не лишился ли рассудка — или же всё сие впрямь происходит наяву.

Храпов кивнул — не соглашаясь, но принимая к сведению.

— Хорошо. Теперь по существу. Вы неизвестно откуда, без документов, личность не установлена. По закону я обя-

зан её установить. Не «имею право установить», а обязан это сделать, понимаете?

— Всецело.

— Прекрасно, — Храпов кивнул с видимым облегчением. — Но для этого потребуется время. И я не могу вас отпустить — вы останетесь здесь, в участке.

Бельский напрягся.

— Стало быть, под арестом?

— Нет. — Храпов покачал головой. — Учитывая ваш добровольный визит в полицию и, скажем так... необычный случай, вы будете под присмотром. У нас есть помещение для временного размещения. Не камера. Комната. Вы не преступник и не подозреваемый, но не можете находиться на улице без документов. Таков регламент.

— Извольте прояснить, какой из регламентов?

— Закон, — припечатал Храпов.

Бельский выдохнул. Да, теперь ему было понятно. И это было справедливо. Он сам, окажись на месте этого Храпова, поступил бы так же.

— Разумею, — сказал он. — Покорнейше благодарю за разъяснение.

Храпов снова кивнул. Потом, чуть помедлив, добавил:

— Мы запросим базы. Архивы по вашему имени... и званию. Чину. Но, повторюсь, проверка потребует времени.

— Насколько длительного?

Бельский ожидал, что ему сейчас назовут пару недель

— выражение лица Храпова выдавало нежелание говорить неприятные вещи. Но слова прозвучали иные:

— Как положено, до двух суток. Если не выясним, то вами займётся другое ведомство.

Бельский ничего не ответил и, поняв, что разговор закончился, встал, поставил стул на место, и вытянулся, ожидая дальнейших событий. Пока с ним обращаются вежливо, хоть и необычными словами. Но... двести лет. Бельский представил себе, как бы в его родной столице приняли офицера в рваной форме времен войны со шведами.

Тут с ним обошлись куда человечнее.

Храпов тем временем открыл дверь и вызвал помощника — молодого человека в форме, — и тот проводил Бельского в небольшую комнату с окном, выходящим во внутренний двор. Бельский сел на койку и закрыл глаза.

«Держаться.»

Комната была очень мала, прямо келья, но чиста и уютна. Койка, стул. Стола нет, его заменял, должно быть, широкий подоконник. Окно, прикрытое снаружи стальной решеткой, выходило во внутренний двор, — прямоугольное, с огромнейшим стеклом неестественно прозрачным, без единого пузырька или волны. На подоконнике — ничего. На стенах — ничего. Бельский оглядел помещение, как осматривал бы каюту, выделенную ему на незнакомом судне: запомнил расстояние от двери до окна, отметил отсутствие видимых запоров, прикинул толщину стен, ширину оконного проёма.

Затем сел на койку. Пружины отозвались непривычно, но не неприятно. Он снял сапоги — с трудом, потому что кожа разбухла и задубела. Поставил их рядом с кроватью, ровно, носками наружу. Привычка. Размотался и убрал обмотки в сапоги.

Теперь он сидел босиком на казённой койке, в рваном мундире, и слушал тишину.

Тишина была странной. Не деревенской — без сверчков, без ветра, без петухов или далёкого лая. И не городской — без цокота копыт, без криков ночных сторожей. Вместо этого — низкий, почти неслышимый гул, пронизывающий стены. Как будто огромный зверь дышал где-то под землёй, и эхо его гуляло меж стенами высоких, словно сосны, домов.

Бельский закрыл глаза. Открыл. Снова закрыл.

Нет. Это не сон. Он не проснётся в своей постели на Васильевском. Не услышит, как Анна зовёт его к завтраку. Не увидит Дашеньку, бегущую по коридору с бумажным корабликом в руках.

Он сжал кулаки, накрепко, затем резко разжал.

— Хорошо, — сказал он вслух. — Раз так — посмотримся.

Он встал и подошёл к двери. Ручка была металлическая, изогнутая, без привычной круглой розетки. Он нажал — дверь открылась. Не заперто. Храпов сдержал слово: это не камера.

Бельский закрыл дверь — пока с ним по совести, он тоже не будет бесчинствовать. Огляделся. Рядом, в стенной нише,

обнаружилось то, что он принял за умывальную комнату.

Он вошёл и огляделся. Плитка. Белая, гладкая, без единого шва. Раковина. Над раковиной — блестящая трубка с какой-то насадкой на конце. Кран? Но где рукоять, где винт?

Он поднёс руку к насадке — и из неё хлынула вода.

Бельский отдёрнул руку. Вода перестала.

Он замер. Снова поднёс руку. Вода потекла опять — ровная, тёплая, чистая, течёт беззвучно. Он убрал руку. Вода иссякла.

— Водопад по мановению руки, — пробормотал он. — Как в сказках про царя Соломона.

Он умылся. Лицо мыл долго, тщательно. Смыл пыль и химическую горечь. Вода была мягкой — не такой, как невиская, без привкуса железа. Он попил прямо из-под струи, набирая в ладони. Не родник, но приятная.

И только после этого Бельский разглядел своё лицо в зеркале над раковиной.

Из зеркала смотрел человек, которого он не сразу узнал. Осунувшийся, с тёмными кругами под глазами, с пробивающейся щетиной. Мундир висел мешком. Золотое шитьё потускнело.

— Ну здравствуй, Александр Платонович, — сказал он своему отражению. — Хорош же ты.

Вернувшись в комнату, он подошёл к окну.

Внутренний двор был пуст. Фонари освещали мостовую. Ну как мостовую... Не бывает таких мостовых. Ровный, се-

рый камень, как шершавое стекло. Без булыжников, лишь кое-где в трещинах, но явно от усталости, это не укладочные швы. Да и не принести сюда, во двор, такую громаду камня. Стало быть, или не камень, или выложили непостижимым ему способом.

Где-то далеко, за крышами, поднимались к небу стеклянные колоссы. Ночью они выглядели иначе.

Днём они подавляли своей высотой, своей геометрической невозможностью. А ночью... Светились. Все. Тысячи огней горели внутри них, и башни казались не зданиями, а гигантскими светильниками, поставленными неведомым великаном. Некоторые огни горели ровным белым светом, другие — жёлтым, третьи — мертвенно-голубым. И все вместе они создавали картину такой красоты и такого чуждого величия, что у Бельского перехватило дыхание.

«Как звёзды, — подумал он. — Мои потомки сделали звёзды у себя под ногами.»

И тут же накатило:

«И зачем теперь им я? И что они построили — рай или ад?»

Ответа не было. Только гул. Только огни.

Он отошёл от окна, встал на колени посреди комнаты. Пол был холодный, и это было правильно.

Он молился. Как привык молиться в море, перед боем, перед допросом — коротко, без лишних слов, но всем существом.

— Отче наш, сущий на небесах... да будет воля Твоя...
яко на небеси и на земли...

Слова текли привычно, но сегодня они звучали иначе. Не как просьба о защите. Как отчёт.

— ...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Он замолчал. Потом добавил, уже не по канону, шёпотом:

— Господи. Я не знаю, зачем Ты привёл меня сюда. Я не знаю, что Ты от меня хочешь. Но я здесь. И я ещё жив. Дай мне понять, что делать дальше. Аминь.

Он перекрестился и остался на коленях.

— Анна Сергеевна, душа моя, — сказал он тихо. — Прости меня, грешного. Я не вернулся к обеду.

В горле встал ком. Он сглотнул.

— Дашенька. Солнышко моё. Ты уже научилась писать, я знаю. Ты, наверное, стала красавицей. Ты, наверное, была счастлива. Прости, что папенька не увидел.

Он замолчал. Слез не было — он не умел плакать. Но где-то глубоко внутри, под флотской выучкой и офицерским достоинством, что-то оборвалось и упало в темноту.

Он дал себе минуту. Ровно минуту. Потом встал.

— Всё, — сказал он. — Хватит.

Он снова сел на койку и стал думать.

Храпов дал ему двое суток. После этого — другое ведомство. Какое? Что они делают с людьми без документов? Сажают в дом умалишённых? Отправляют в пустынь? Высыла-

ют за море? Он не знал. Но он понимал одно: если он не докажет свою полезность, его наверняка запишут в умалишённые и запрут.

Значит, нужно доказать.

Чем он может быть полезен людям этого времени? У них есть машины для печати документов и вытаскивания их из неведомых архивов — за секунды. У них есть цветная светопись в каждом кармане. У них есть самобеглые повозки, несущиеся со скоростью ветра, и вода, текущая по мановению руки. Что может предложить им он? Человек, чьи знания были уместны двести лет назад?

Он закрыл глаза и стал перебирать, как чётки, свои навыки.

Навигация и мореходка? Здесь наверняка давно уже нет парусного флота — хотя бы потому, что первый угольный пароход уже ходит... ходил до Кронштадта и обратно во времена Бельского. Местные, наверное, над водой летают, как летучие рыбы.

Картография? У них, наверное, карты самого дна морского.

Такелажное дело? Смешно. Погрузочные работы? Ещё смешнее.

Опросы и допросы? Вот это разве что.

Он умел разговаривать с людьми. Умел слушать. Умел замечать, когда человек лжёт, — по движению глаз, по дыханию, по тому, как он держит руки. Этому его научила служ-

ба на флоте, где одно неверное слово могло стоить жизни, а нижние чины даже не офицера, а мать родную оболгут — не поморщатся. Уже позже читать людей его учил старый следователь Крюков, уже в Адмиралтействе.

Бельский открыл глаза.

— Дело, — сказал он вслух. — Мне нужно дело. Связанное с опросами. У местного дознавателя, или как тут его называют, наверняка есть что-то, на что он и его люди махнули рукой. По-другому не бывает.

Завтра утром он попросит Храпова дать ему это дело. Под контролем. Под присмотром, хоть под кандалами — как угодно.

Если нет — что ж. Он хотя бы попытался. Решено.

Он лёг на койку, не раздеваясь. И уснул так, как привык — быстро и крепко.

ГЛАВА III. Гильза

1

Бельский проснулся затемно, по флотской привычке. Несколько секунд лежал неподвижно, восстанавливая картину мира: тело помнило, где оно, но разум ещё цеплялся за обрывки прошлого — невская вода, крик писаря, лицо Анны. Он сморгнул и сел на койке. Пружины скрипнули, но не жалобно, а по уставу. За окном серело осеннее, как он теперь знал — октябрьское небо, подсвеченное снизу огнями города.

Он привёл себя в порядок — насколько позволяли обстоятельства. Умылся над раковиной. Мундир был безнадежен, но он одёрнул его, поправил эполет, висевший на нитке, и пригладил волосы ладонью.

Еще полчаса ничего не происходило, и он просто сидел на койке, как на стуле.

Наконец в дверь постучали. Не Храпов — другой человек, моложе, в такой же тёмно-синей форме.

— Бельский? Александр Платонович? На помойку.

— Простите?

— Выходим на санитарную обработку. Раз в сутки положено.

Бельский кивнул. Имя и отчество — уже неплохо. В его времена к задержанным в околоте обращались самое луч-

шее «эй, ты».

Бельский вышел в коридор. И сразу заметил: у двери, которую ночью никто не запирает, стоял ещё один человек в форме. Не охранник с дубинкой — полицейский офицер, судя по значкам на плечах. Стоял спокойно, руки за спину, но сам факт говорил ясно — всё-таки под присмотром.

«Разумно, — подумал Бельский. — Дверь не запирали, но коридор стерегли. Я бы сделал так же».

Его провели в душевую — выложенную гладким камнем комнату с несколькими кабинками, закрытыми удивительными шторками — вроде как бумажными, но по сути — из тончайшей не мокнущей парусины, что ли. Пахло чем-то едким, отдалённо напоминающим мыло. Молодой выдал ему полотенце, стопку чистой одежды — серую, казённую, без погон — и указал на кабинку.

— Ваше заберём в чистку. Если ещё что от него осталось.

Бельский хотел возразить — мундир был последней нитью, связывающей его с прошлым. Но осёкся. Мундир действительно был грязен и рван.

— Хорошо, — сказал он. — Только прошу: ничего не выбрасывать.

Молодой пожал плечами и вышел за дверь. Бельский остался один.

2

Вода в душе, опять же, как в сказке, была или горячей, или холодной, или какой пожелаешь. Поначалу Бельский не по-

нял, что температуру можно менять. Стоял под горяченной — чуть не сварился. Но самостоятельно разобрался с кранами, благо уже понял, как тут что не то, чтобы работает, а как задумано. И встал под тёплыми струями, закрыв глаза, чувствовал, как смывается не только грязь — усталость, страх, следы прошедшего дня. Клубился пар. Поднявшись с пола под потолок, он куда-то уходил, будто приглашенный.

Помывшись и насухо растеревшись мягким полотенцем, Бельский оделся в казённое. Исподнее — удобное, не особо просторное, но ткань, словно вторая кожа, тянется, не жмёт. Серая рубаша, серые штаны. Мягкая материя, рубаша без пуговиц — вместо них какая-то мудрёная застёжка, напоминающая зубчатую рейку. Бельский повертел в руках эту конструкцию и был вынужден расписаться в невежестве, обратившись к местному. Ему помогли, назвав застёжку молнией. Бельский сам понял, почему — закрывалась она и в самом деле быстро. Будь такое на корабле — подъём с тревоги по боевому можно было бы сократить как минимум на полминуты.

Пришел ещё один офицер. В руке у него был маленький металлический цилиндр. Тот самый, что Бельский нашел в первые минуты осознания себя живым. И сунул в карман, не задумавшись, зачем.

Первый из конвоиров, который объяснял Бельскому про застёжку-молнию, глянул на вошедшего.

— Что там?

— Вот, — второй показал цилиндрик. — В кармане было. Первый подошёл и забрал латунный предмет. Повернулся к Бельскому:

— Что это? — Голос его изменился: теперь меньше вежливости, больше настороженности. — То есть откуда это?

— Нашёл, — спокойно ответил Бельский. — В котловане, из которого вылез.

Молодой посмотрел на цилиндрик, потом на Бельского.

— Ждать здесь.

Он вышел, плотно закрыв дверь за собой. Бельский услышал, как снаружи встал тот самый второй, что принес цилиндрик.

«Вот как, — подумал он. — Теперь уже под охраной».

Он сел на скамью и стал ждать. Голова всё ещё соображала с трудом, но все-таки соображала. Он хорошо понял, что полицейские узнали эту латунную штучку. И им это явно не понравилось.

3

Прошло около часа. Бельский успел перебрать в уме возможные варианты, но ни один не казался вероятным. Когда дверь отворилась, на пороге стоял конвоир. Именно так — в серой форме, эполеты без звезд, на ремне кобура, явно не пустая.

— Выходите.

Не «эй, ты», конечно, но и не по имени-отчеству.

Его привели в иное помещение. Меньше прежнего, без

окон, со стенами, выкрашенными в скучный серый цвет. Строго в центре стол, прикрученный к полу болтами. Лампа под потолком, отгонявшая тени в углы комнаты. Бельский сразу узнал допросную. И хотя внутреннее убранство отличалось от привычного ему, суть оставалась неизменной: это место для получения ответов.

Ответы надлежало дать Храпову.

Подполковник уже сидел за столом, приглашающим жестом указал на место напротив. Когда Бельский, поздоровавшись, уселся, Храпов без лишних проволочек извлёк из кармана прозрачный пакет — Бельский до сих пор не мог взять в толк, из чего сделана эта невесомая оболочка, — и положил на стол тот самый цилиндрик, найденный в котловане.

— Ваше? — спросил подполковник.

— Так точно.

— Знаете, что это?

— Никак нет.

— Это гильза, — сказал Храпов. — Объяснять, что такое гильза, нужно?

— Извольте.

Храпов объяснил — толково, без лишних слов. Бельский слушал, не перебивая, разумом принимая концепцию.

— Соединить снаряд с метательным зарядом в едином корпусе — идея здравая, — отозвался он. — В моё время подобные изыскания велись. Французы, помнится, предлагали нечто подобное. Но в данном исполнении... идея порочна.

Храпов прищурился:

— Поясните.

— Охотно. Позвольте? — Бельский указал на пакет.

Он взял его, вынул гильзу двумя пальцами, поднёс к глазам. Храпов не прервал его, лишь следил с нескрываемым интересом.

— Я офицер флота, Игнат Андреевич, — негромко начал Бельский. — Знаком с артиллерийским делом не понаслышке. Если это, как вы изволили выразиться, гильза... термин, полагаю, немецкого корня? Так вот, если внутри должен был находиться порох...

Он принялся. Запах гари присутствовал, но был непривычно кислым, «тонким», лишенным грубой селитряной основы оружейного пороха.

— Эта оболочка должна выдерживать колоссальное давление газов при воспламенении, — Бельский провел пальцем по донцу. — Наибольшее напряжение приходится на эту часть, на «юбочку». Здесь стенки должны быть максимально усилены.

Он повернул цилиндр, заглянув внутрь:

— А здесь мы видим иное. Стенки ровные, тонкие.

Бельский хотел даже сказать «негодные», но, не зная в точности материала гильзы, поостерёлся.

— Разумный заряд пороха для сего сосуда я оцениваю в полтора-два золотника. В таком калибре для придания снаряду должной убойной силы этого объёма совершенно недо-

статочно. Но если, паче чаяния, зарядить его не по науке, а под завязку, давление газов мгновенно превысит предел прочности этой латуни. Исходя из веса, предполагаю, что стенки в глубину истончаются до толщины писчей бумаги. Камору разорвёт, а стрелка изувечит осколками. Это очевидно любому, кто хоть раз видел разобрannую пушку.

Бельский перевернул цилиндрик:

— Далее — отсутствие запала. Здесь нет ни запальной трубки, ни капсюля, если не считать за таковой вот это бесцельное глухое отверстие, — он коснулся пальцем центра доньшка гильзы. — И наконец, главное. Пулю надобно как-то удержать в этой гильзе, а я не вижу следов обжатия. Поэтому я уверен, что это просто латунная трубка, в которой кто-то сжёг некий химический состав. Скорее, это часть механизма, нежели боезапас.

Он положил пакет на стол. В допросной повисла тишина. Храпов смотрел на Бельского, затем перевел взгляд на гильзу.

— Вы это прямо сейчас просчитали? На глаз?

— Не на глаз, — отрезал Бельский. — Согласно Наставлению об артиллерийской службе императорского флота Его Величества. Оружейник, работающий «на глазок», — это покойник, а его расчет — братская могила.

Он осекся, осознав резкость тона, и поднял глаза на подполковника:

— Прошу извинить, Игнат Андреевич.

— Вы инженер? — Храпов продолжал вертеть гильзу, словно пытаясь увидеть в ней то, что увидел Бельский.

— Я знаю физику, — пожал плечами Бельский. — И баллистику. Этого достаточно.

Храпов откинулся на спинку стула. Долго изучал человека напротив: в казенном обмундировании, босого, изможденного, но с выправкой и познаниями в оружейном деле.

— Александр Платонович, — сказал он наконец. — Примите извинения за резкость. Мои люди привыкли к обману. Но то, что вы сейчас произнесли... это либо блестящий розыгрыш, либо... я даже не знаю, как это назвать.

— Я не комедиант, — Бельский позволил себе легкую улыбку. — Я кадровый офицер. И умею мыслить логически. Вот и всё.

Подполковник молчал, обдумывая что-то свое. Бельский понял — момент настал.

— Дайте мне возможность доказать свою полезность. У вас наверняка есть дело, зашедшее в тупик — такие в столе дознавателя найдутся всегда. Позвольте мне взглянуть. Если я окажусь бесполезен — без возражений последую в то ведомство, куда вы намеревались меня передать. И буду премного благодарен за ваше участие. Слово офицера.

Храпов убрал гильзу в пакет и поднялся. Бельский немедленно вскочил, вытянувшись в струнку.

— Подождите здесь, — бросил Храпов и вышел.

Прошло ещё полчаса. Бельский оставался в допросной, но дверь больше не запирали. Кто-то принёс ему обувь — мягкие, черные, высокие башмаки с хитрой шнуровкой. Под них — короткие чулки, закрывающие ступню и часть голеностопа. Тоже мягкие, тянущиеся. Они наделись, как вторая кожа. Справившись со шнуровкой и встав на ноги, Бельский тотчас почувствовал себя человеком.

Таковым он ощущал себя еще больше часа. В допросную никто не входил, наружу его не приглашали, а самостоятельность Бельский запретил себе сам — не та обстановка, да и не по чину.

Из коридора наконец послышался шум. Бельский прислушался — оттуда доносились голоса: Храпов с кем-то переговаривался — сначала отрывисто, затем тише, вкрадчивее. Разговора не было слышно, лишь долетали обрывки: «...говорю тебе, Алиса, он не похож...», «...просто посмотри, это твоя тема, не моя...».

Затем стали слышны шаги. Два человека. Один — тяжёлый, размеренный (Храпов). Второй — быстрый, чёткий, с узнаваемым ритмом военного строя.

Дверь открылась.

Бельский поднялся автоматически, по привычке, выработанной годами службы, — и замер, не в силах скрыть замешательство.

На пороге стояла... женщина. На ней была та же тёмно-синяя форма, что и на Храпове, но полосы со значками, за-

менявшие здесь эполеты, выглядели иначе. Звезда одна. И герб на рукаве — уже не скрещенные шашки за торговым флагом, а боевые мечи за массивным щитом.

Охранное государево ведомство, если судить геральдически. И женщина. Оттуда.

Или Бельский в конец сошел с ума, или геральдика здесь врала, или же... В его голове возникла догадка, что в будущем женщины воюют вровень с мужчинами. Это хоть что-то объясняло. И ещё Бельскому показалось, что хоть звезд на эполетах женщины меньше, но классным чином она вряд ли уступала полковнику.

И внешность у неё была жесткая, не чета круглолицему Храпову. Женщина была высока, сухощава и с короткой стрижкой, словно после болезни. Лица не назвать красивым — скорее, оно было острым, как лезвие клинка. И тонкий шрам над бровью. Не с детского озорства, и не от девичей неосторожности.

Грубый шрам. Боевой. А взгляд — прямой, оценивающий. Офицерский.

— Майор юстиции Корецкая, — представилась остроликая дама. — Алиса Валерьевна. Следственный Комитет.

Женщина. Майор. Следовательно, то есть военный дознаватель, надо полагать.

Сознание кольнула мысль — колючая, как искра: «Меня разыгрывают. Это невозможно». Но тут же вспомнилось: «Она вошла как офицер. Шаг твёрдый, разворот плеч —

строевая выучка. Нет, это не комедия».

Он справился с собой.

— Капитан-лейтенант Бельский, — произнёс он. — Александр Платонович. Честь имею.

Помешкав долю секунды, он добавил — потому что промолчать означало бы изменить самому себе:

— Прошу прощения, сударыня, но мне непривычно обращаться к даме как к старшему по званию. Если я допущу неловкость — прошу снисхождения.

Корецкая приподняла бровь и перевела взгляд на Храпова.

— Подполковник, — произнесла она. — Вы ничего не перепутали? Мне казалось, вы сказали: у вас сидит «подозрительный тип».

— Уже нет, — отозвался Храпов. — Подозрительный тип оказался экспертом по баллистике, который никогда не видел «Осы», но разобрался в её патроне за минуту.

— Осы?

— Травмат, — объяснил Храпов. — Чопики из охраны стройки. На них уже жаловались за грохот по ночам. Отработаем. Спасибо этому — теперь у нас гильза.

Корецкая вновь посмотрела на Бельского. Долго, изучающе. Затем села на стул напротив.

— Садитесь, — сказала она. — И рассказывайте. Всё. С самого начала.

Бельский опустился на стул. Спину держал прямо, стру-

ной. Взгляд — твёрдо в глаза собеседнику.

— Прежде чем я начну, позвольте узнать: как мне должно к вам обращаться, чтобы не нарушить ни чинопочитания, ни простой вежливости к даме?

Женщина усмехнулась, переглянувшись с Храповым.

— Подполковник, у вас тут, в ЦАО, все задержанные такие изысканные?

ГЛАВА IV. Высокій грѣхъ

1

Объяснительную записку он писал весь день, до самого вечера. Старательно изводил бумагу: благо, недостатка в ровно порезанных, ослепительно белых листах не было — ему выдали стопку, которой хватило бы на три тома мемуаров.

Хуже обстояло дело с пером. Прозрачный гранёный цилиндр писал вязко, густым, пачкающим составом, напоминающим синий дёготь. Инструмент не реагировал на нажим, портил почерк и вызывал у Бельского глухое раздражение. Стопка забракованных листов росла, соревнуясь по высоте с годными.

К обеду, когда принесли завёрнутую в прозрачный (снова!) тонкий материал еду, он всё же высказал нарекания к пишущему инструменту. Удивительно, но к просьбе прислушались. После трапезы, больше похожей на сухой паёк, ему выдали иное перо — тоже необычное, но пишущее привычными жидкими чернилами, хоть и синими. Дело пошло веселее: чернила сохли мгновенно, не требуя промокательной бумаги, а перо отзывалось на силу руки с похвальной охотой.

К шести часам пополудни, когда небо за окном окрасилось в багровые тона, в комнату постучали. В дверях появилась Корецкая. Полицейский, дежуривший в коридоре, что-

то негромко сказал ей, усмехнулся и закрыл за женщиной дверь.

Бельский поднялся, вытянувшись в струнку. Оглядел новый облик майора юстиции — и замер.

Откровенный, обтягивающий ноги брючный наряд сменился коротким, чуть ниже колен, платьем. Чёрным, как безлунная ночь. Оно облегалo фигуру так плотно, словно было второй кожей, и при каждом движении мягко струилось, подчёркивая все линии тела.

Бельский приказал себе не думать о нравах этого века. Он здесь — чужак, чей устав в чужом монастыре не имеет силы.

— Здравствуйте, капитан-лейтенант, — произнесла она и первым делом бросила взгляд на стопку исписанных листов. — Кажется, у вас талант писателя.

— Добрый вечер, госпожа майор, — ответил он, сохраняя выправку. — Велено изложить во всех подробностях — выполняю.

— Перьевой ручкой? — она кивнула на инструмент. — А чего гусиное перо не попросили?

— Испрашивал. Вручили это. Пользовал с удовольствием и признательностью. Качественная вещь, доложу вам.

— И дорогая, — в голосе Корецкой промелькнула улыбка, хоть лицо осталось серьёзным. — Будь у Толстого такое, он бы не три тома «Войны и мира» написал, а все шесть. Правда?

Бельский пожал плечами. Писателя Толстого он не знал.

Более того, подобно большинству сослуживцев, он не питал пиетета к творчеству литераторов-многоотомников, о чём и сообщил — со всей своей офицерской прямоотой.

— Хорошо-хорошо, — отозвалась женщина. — Не спорю. Но я не литературу обсуждать пришла. Я получила добро забрать вас на вечер. Собирайтесь, Александр.

Бельский хотел было поправить её, напомнить о своём отчестве, но передумал. Она — офицер. А он здесь лишь гость, чьё положение весьма шатко.

— Мне потребна одна минута, госпожа. И я буду в полной готовности.

Корецкая кивнула и вышла. Резко, по-деловому, совсем не в соответствии со своим вызывающим нарядом. Бельский, дождавшись, пока дверь закроется, тут же отвёл взгляд — со спины платье почти полностью открывало лопатки, — и повернулся в угол, который сам назначил «красным».

Он начал молитву за успех предстоящего дела.

Бесноватыми повозками, которые напугали его у котлована, оказались самобеглые экипажи — без лошадей и кучера. Управлять ими полагалось самостоятельно. Судя по тому, как уверенно с этим справлялась Корецкая, искусство сие было не из сложных. Дама-дознатель сидит себе слева, вращает небольшой гладкий штурвал — и машина следует заданному курсу. Всё как на корабле, только вместо воды — тот самый удивительный серый камень. Гладкий, ровный, лишь изредка дающий малую волну или дрожь от неровностей.

Бельский наблюдал, как Корецкая обращается со штурвалом — небрежно, почти двумя пальцами, — и поражался торжеству техники в этом мире. А вот люди... Люди здесь оказались не столь уж и далеки от его времени. Во всяком случае, дорожный городской, остановивший их повозку и заглянувший в самостоятельно опустившееся боковое окно, тут же переменялся в лице, едва увидел документ в кожаной обложке. На тиснении красовался всё тот же двуглавый орёл на фоне скрещенных шашек.

Городовой выпрямился, отступил на шаг и, поправив головной убор, отдал честь. Пожелал доброго пути и вернулся к собственной повозке — низкой, белого цвета, с нестерпимо яркими синими и красными огнями на крыше.

— Городовые со своими экипажами? — удивился Бельский.

— Ну не пешком же им патрулировать, — Корецкая смотрела на него в маленькое зеркальце под потолком, и Бельский видел, что она улыбается. — Город велик. Пешкодралом не набегаешься.

— Да... Москва выросла, — задумчиво произнёс Бельский, глядя на бесконечный поток огней. — Я уж боюсь предположить, какова же тогда столица.

Корецкая усмехнулась, вращая штурвал и возвращая экипаж в фарватер серого камня, размеченный яркими белыми линиями.

— Москва и есть столица.

— А-а... — только и вырвалось у него.

В голосе промелькнула грустинка, которую он не смог скрыть. Вот, стало быть, как. Белокаменная вновь отобрала статус у Града Петрова. Корецкая, если и заметила перемену в его настроении, виду не подала. Экипаж, мягко покачиваясь, набрал огромную скорость. Ограждения вдоль дороги проносились столь стремительно, что сливались в сплошной фон. Бельский сглотнул, чувствуя, как к горлу подкатывает дурнота. Вот же напасть: патентованный офицер флота, а страдает морской болезнью на суше.

Он вновь поймал взгляд женщины в маленьком зеркальце. Она смотрела вперёд, лишь изредка бросая быстрые, толковые взгляды в боковые зеркала. Видимо, контролировала об-

становку вокруг. Он подумал было, что здесь нужны армейские навыки, чтобы удерживать такой темп в плотном потоке, но тут же одёрнул себя: не все же москвичи — офицеры! Складывалось ощущение, что весь город пересел на эти поковки и куда-то спешит, не зная преград.

Впрочем, и на тротуарах людей хватало.

Москву он не узнавал. Бывал здесь дважды, проездом на юг, и запомнил старую столицу приземистой, колокольной, тёплой в своей хаотичности — в сравнении с городом Петра. Хаоса хватало и сейчас, но теперь он выливался на широкие проспекты, залитые ярчайшим светом с высоченных, стройных, как молодые сосенки, столбов.

Но дома... Дома здесь были втрое, а то и впятеро выше фонарных жердей. Настоящие исполины, этажей в которых — не сосчитать. Каменные, стальные, стеклянные, все унифицированные светящимися квадратами окон. Тысячи разноцветных лампад. И за каждой — чьи-то жизни, семьи, судьбы. — Тут всегда так людно? — спросил он.

— В Москве — всегда, — ответила Корецкая, не отрываясь от управления.

Повозка нырнула в тоннель, вынырнула, обогнула площадь с гигантским светящимся шаром, подвешенным неведомо на чём. Бельский прикидывал размеры, пытался вычислить расстояния, постичь механику этого города, и в какой-то момент осознал, что улыбается. Не от веселья — от охватившего его трепета. Город будущего, при всём своём

пугающем величии, был по-своему прекрасен.

Как штормовое море: страшно, но глаз не оторвать.

«Честь имею, океанский простор, — мысленно произнёс он. — Давай знакомиться заново».

Заведение, у которого Корецкая остановила экипаж, снаружи выглядело скромно: обычное здание о четырёх этажах, тяжёлая деревянная дверь и фонарь над входом — вроде бы, газовый, но свет ровный, не мерцает. Электричество. Здесь везде электричество.

Внутри были и людская, и даже человек в раздевальной комнате на несколько десятков номеров, куда можно было сдать верхнюю одежду. У Бельского такой не было, Корецкая отдала легкую накидку, что поверх платья. Только сейчас он заметил причину чуть неестественной походки женщины — на ногах у неё были туфли с неестественно высоким и тонким каблуком. На таком стоять — то великий навык нужен. Но и выглядеть любая дама в таком виде будет выигрышно, этого не оспоришь.

Они прошли внутрь. Там пахло дорогим сигарным табаком — его запах Бельский знал хорошо. И ещё подмешивалось в воздух что-то, напоминающее амбру. Из глубины здания доносилась непривычная, пульсирующая музыка со струнными поверх. Не неприятно. Необычно.

Когда они наконец дошли до залы, Бельский поменял определение «необычно» на «вызывающе».

Тут были женщины. Много женщин.

Все молодые, все в платьях, которые ещё недавно он счёл

бы неприличными даже на фоне весьма откровенного наряда Корецкой.

Молодые особы сидели прямо рядом с мужчинами, не скрывая своей связи — личной или купленной, неважно. Мужчины все были немолоды, одеты пристойно, с холёными лицами и руками. Кто-то смеялся, кто-то говорил друг с другом в полголоса. Один в открытую ворковал с приклеившейся к нему особой, у которой подол платья заканчивался, так и не начавшись.

А по центру помещения, на круглом помосте, освещённая множеством невидимых прожекторов, танцевала ещё одна девушка. Её танец откровенностью мог посоперничать только с нарядом... которого почти и не было. Бельский на мгновение отвёл взгляд, но заметил улыбку на лице Корецкой, и снова взял себя в руки.

Не хотелось показать себя ханжой. В портовых кабаках Неаполя и Портсмута он видал и не такое. Но здесь — здесь было иначе. Ни грубости, ни матросни, ни пьяного угара — ничего естественного для человеческой сущности, которая вышла наружу после длительного воздержания. Здесь всё было дорого, тихо и, главное, очевидно узаконено. А значит — ещё более порочно. Как будто блуд стал развлечением для избранных, которые не обязаны отчитываться ни перед кем: даже перед собой и Богом.

Корецкая пошла через зал — прямо, уверенно, как хозяйка. Ей уступали дорогу, иногда даже кивали. Один из муж-

чин — пожилой, с седыми висками, но озорными глазами, — приподнял бокал в приветствии. Корецкая ответила коротким движением головы и села за стол в нескольких шагах дальше.

Бельский подождал, когда она устроится, и присел напротив. Диван, на котором устроилась женщина, позволял быть и рядом, но это было бы уже верхом наглости. Тем более здесь, среди этих людей.

Корецкая тем временем нащупала в кошельке на шнурке через плечо какую-то странную штуку с мундштуком, как у турецких кальянов. И да, чуть помедлив, сунула его в рот и вдохнула в себя воздух через штуку. Выпустила обратно... нет, не дым, а водянистый пар с явным ароматом никотина и почему-то лаванды.

— Зачем мы здесь? — спросил он, неодобрительно глядя на курящую Корецкую.

— Не нравится? — она обвела зал взглядом.

— Кто я, чтобы оценивать? — Он пожал плечами. — Но если изволите честности, то да. Не нравится.

Корецкая пустила ещё одну струйку туманного дыма.

— У меня в работе дело, — сказала она, и Бельский понял, что вот оно — то самое главное под слоем напускного и неприличного. — Трудное. Фигурант — очень крупная персона. Генерал-лейтенант юстиции.

Бельский чуть запнулся. Свести вместе «генерал» и «лейтенант» было странно, будто на погоне у генерала вдруг ока-

залась лейтенантская звёздочка. Он честно признался в своей растерянности.

— Второй генеральский чин, — объяснила Корецкая.

— Ах, вот оно что. Третий класс, — он воздал очи горе, — почти полный генерал. В самом деле высоко.

— Вот-вот, — Корецкая снова выдохнула дым. — Я не могу ему ничего предъявить официально. Связи, генеральский иммунитет, репутация в нужных кругах, вы понимаете.

Бельский кивнул. Он понимал. Наверное, впервые с момента, как вылез из-под завала — понимал очень хорошо. Её язык, чужой и резкий, теперь воспринимался им куда ближе. Корецкая говорила о том, что за два века почти не изменилось — о людях.

— Он подонок, — неожиданно припечатала она. — Докладательства есть.

— Что он подонок?

— Что он преступник, — она усмехнулась. — Но первого это не отменяет. И этим фруктом, увы, некому заняться.

— У вас не хватает людей? — догадался Бельский.

— Людей у меня хватает. — Корецкая хмыкнула. — Полномочий тоже. Но если я им займусь, то мне сломают карьеру раньше, чем я сломаю его.

Бельский медленно кивнул. Да, два века ничего не изменили. Может быть, даже усугубили.

— Зачем вам я? — спросил он.

— Мне нужен тот, кто видит людей, когда я приставляю

им нож к горлу. Мягкий такой ножик, гуттаперчевый. Но — клинок. Понимаете?

— Вам нужен партнер-наблюдатель?

— Просто наблюдатель, — глаза женщины сузились. — Среди моих коллег таких нет. У них у всех... карьеры. Семьи. А вы — человек-призрак. Вас нет. Вы не встроены в систему, вас нечем брать.

У него внутри оборвалось.

Вот оно — его проверили и подтвердили, что Александра Платоновича Бельского в этом мире действительно нет. И самозванцев, им притворяющихся — тоже. Неважно как, но проверили. Значит — если и не поверили полностью, то хотя бы признали, что он хотя бы не врёт.

— Чем я могу быть полезен?

Корецкая выпустила последнюю струйку лавандового дыма и убрала мундштук без кальяна в свой кошель. Подняла взгляд и сказала в глаза Бельскому:

— Сидеть. Молчать. Следить. Потом расскажете всё то, что увидели на роже этого пройдохи. Это вам под силу?

Человек по фамилии Штольц приближался с той особой уверенностью, что даруется лишь неограниченной властью. Так ходят сановники, привыкшие, что им уступают дорогу — не из страха, а по чину. Бельский таких навиделся: походка размеренная, плечи развёрнуты, подбородок приподнят ровно настолько, чтобы смотреть на окружающих чуть свысока. За этим может прятаться что угодно — от глубокой мудрости до полной пустоты. Одного там нет точно — естественности.

Штольц был ухожен, подтянут, и на свои годы, которых Бельский насчитал около пятидесяти, выглядел преотлично. Выправка не армейская, скорее — кабинетная, чиновничья. Человек высокого ранга, привыкший повелевать.

Рядом — девушка. Тоненькая, почти прозрачная, в лёгком тёмном платье, едва прикрывающем плечи. Голубые глаза. Светлые, чуть в рыжину, волосы. Шестнадцать лет, не больше. Бельский заметил это не по фигуре, а по тому, как она вцепилась в локоть Штольца — так в шторм держатся за поручень, когда палуба уходит из-под ног.

Пара приблизилась. Корецкая поднялась с места. Бельский, помедлив, тоже вытянулся, но без суеты, не во фронт. — Олег Германович, — произнесла она голосом лёгким, словно морской бриз, — какая неожиданность. И без охра-

ны?

— Алиса Валерьевна, — Штольц улыбнулся. Улыбка вышла открытой, но глаза оставались холодными, как наледь на воде у причала. — А вас-то сюда какими судьбами? Вы же у нас сльвёте аскетом.

— Помогаю другу, — она кивнула на Бельского. — Изучаем нравы высшего общества.

— Ваш друг — учёный? — Штольц приподнял бровь, окинув Бельского беглым, оценочным взглядом. — Не знал, что вы общаетесь с мужами науки.

— Мой друг — личность разносторонняя, — отозвалась Корецкая. — И притом чрезвычайно скромная. Зовут Александр.

Бельский ответил Штольцу коротким кивком. Никаких каблуков, никаких «честь имею». Он понимал свою роль: сейчас он — лишь тень при женщине-офицере, статист, чья задача — наблюдать.

— А мою спутницу зовут Катя, — бросил Штольц. — Катя, поздоровайся.

Бельский не дрогнул, но внутри всё сжалось. Штольц отдал приказ девчонке с той же интонацией, с какой белый плантатор распоряжается рабыней в Вест-Индии. Катя едва слышно пробормотала приветствие, не поднимая глаз. Она была испугана, и страх этот был так велик, что она пыталась стать невидимой. Хуже всего был жест защиты: она не вжимала голову в плечи, она инстинктивно сомкнула бёдра, пы-

таясь закрыться от мира.

Бельский стиснул зубы. Рука сама собой дёрнулась, ища кортик. Его не было. Он здесь никто. Просто тот, кого поставили смотреть со стороны.

— Присядете? — Корецкая указала на свободные кресла.
— Составьте компанию.

— А паркуа бы и не па? — Штольц рассмеялся своему же искалеченному французскому и опустился на диван, даже не взглянув на женщин. — Садитесь, садитесь. В ногах правды нет. Даже в таких прекрасных, как ваши.

Он смотрел на Катю, но слова были адресованы Корецкой. Та улыбнулась «шутке» и присела. Бельский опустился на край дивана последним. Он убрал руки под стол, потому что правая истово сжимала кулак, искала оружие. Бельский остро хотел вызвать этого человека на дуэль.

Но — он здесь не защитник чести и достоинства. Сегодня уж точно.

Светская болтовня никогда не была коньком Бельского, и сейчас он был этому только рад. Корецкая и Штольц обменивались новостями, обсуждали законы, сетовали на какие-то городские пробки. Болтали. Бельский слушал вполуха, анализируя не слова, а мимику. Корецкая держалась легко, расслабленно — мастер маневра. Штольц же был искренне спокоен. Это было пугающе. Он не ждал удара, потому что чувствовал себя хозяином жизни в этом оплоте греха. Переводил его в статус греха высокого, некараемого.

Вдруг Корецкая чуть подалась вперёд:

— Олег Германович, а не опасно ли появляться здесь в обществе столь... неподготовленных к высшему свету особ?

— она едва заметно кивнула на Катю.

Штольц прищурился.

— Вы собрались читать мне мораль? — спросил он сквозь улыбку. — Будучи самой здесь?

Корецкая открыла рот, чтобы ответить, но он перебил:

— Я не состою в браке.

Он посмотрел на неё так, словно впечатал в лицо клеймо: «Вы — мужняя жена, и находиться здесь вам куда менее уместно, чем мне». И всё это — молча.

Бельский медленно моргнул. Господи Иисусе, куда ты меня привёл и, главное, зачем?

Корецкая сделала вид, что не заметила отповеди, но Бельский видел: она заметила. В первом боевом столкновении противник обрушил всю огневую мощь, и женщине пришлось уйти под ветер, чтобы сохранить лицо.

Но сражение только начиналось.

Через несколько минут Корецкая ответила ударом на удар.

— Кстати, — обронила она, небрежно помешивая напиток, — вы не в курсе, чем сейчас занимается Царёв? Наткнулась на его имя в старом деле, хотела уточнить детали, но след простыл.

Бельский продолжал изучать убранство зала, боковым зрением впившись в Штольца.

Лицо чиновника не дрогнуло — ни единым мускулом, ни тенью сомнения. Но пальцы правой руки, сжимавшие бокал, едва заметно сдвинулись. На ширину ногтя, не более — но для того, кто привык следить за движением сигнальных флагов на мачтах, это движение было подобно выстрелу.

— Царёв? — Штолец картинно приподнял бровь. — Это тот, кого попросили из Комитета, и он «послушно» исчез с горизонта?

— Он самый.

— Понятия не имею, — Штолец подавил зевок, демонстрируя полное равнодушие. — А зачем он вам? Могу попросить знакомых разузнать по своим каналам.

— Да мелочь, — отмахнулась Корецкая. — Старая история, ещё из девяностых. У меня накопилось много архивных долгов, но ничего такого, чтобы тревожить ваших людей.

— Архивные долги, — Штолец словно пробовал слова на вкус, катал их на языке. — Похвально. Мало кто нынче имеет вкус к архивной пыли.

— Иногда под ней находишь удивительные вещи, — расслабленно произнесла женщина, на мгновение скользнув взглядом в сторону Бельского. — Мне в последнее время везёт.

Они смотрели друг на друга, обмениваясь всё теми же ледяными улыбками.

«Битва равных, — подумалось Бельскому. — Но на деле — фрегат против линейного корабля. Просто фрегат маневреннее и бьёт точнее».

Катя, не понимавшая подтекста беседы, отстранилась и нервно мешала что-то в своём бокале. На Бельского она смотреть опасалась, и он вдруг осознал: она боится не Штольца, и уж точно не Корецкую.

Она боится его самого. Любопытный факт. Бельский зафиксировал это в памяти, как отметку на лощи, и вновь сосредоточился на Штольце. Теперь он знал: некто Царёв — это болевая точка. Корецкая точно знала, на что давить. И это было самое важное донесение, которое он мог усвоить.

Женщина заговорила со Штольцем о чем-то нейтральном. Тот отвечал, шутил, даже посмеялся в ответ на её шутку. Катя расслабилась и прильнула ближе к хозяину. Бельский же, глядя на всё это, понял — Корецкая с таких высот дознания, что ему, пожалуй, ещё поучиться. Не дознаватель — дирижёр. Ведёт разговор, как музыкальное произведение, чередуя напряжение и разрядку.

Сейчас — разрядка. Бельский догадывался, что последняя перед финалом. Он ждал той самой фразы — и она наконец прозвучала. За минуту до того, как Штолец, рассчитавшись с официантом и поднявшись с места — наконец-то ему пришло в голову подать руку Кате, — собирался уходить.

— Олег Германович, — произнесла Корецкая.

Штолец повернулся. Без слов, но с выражением «Ну что

еще?».

— Знаете, мой отец повторял: «Хочешь понять офицера, посмотри, с кем он делит досуг». — она сделала небольшую паузу. — А друг моего отца, тоже уважаемый человек, вообще любил цитировать Сталина: «Кадры решают всё».

Штольц замер — всего на ничего. Две-три секунды. Но Бельский видел, как в глазах чиновника промелькнула целая цепочка мыслей, от узнавания и удивления — к потрясению с последующим фальшивым успокоением.

Корецкая не дала ему ответить.

— Я рада, что мы встретились здесь, — сказала она. — Вам-то в самом деле тут место, а я теперь буду внимательнее.

Штольц уже был заряжен, и справился с собой мгновенно. Улыбка на место, спокойный тон, рука — в обхват тоненькой девичьей талии.

Он кивнул.

— Истинно так, Алиса Валерьевна. Рад, что помог. — Он отвернулся и дёрнул девушку. — Идём, Катерина.

Штольц ушёл в сопровождении семенящей на слишком длинных каблуках Кати. Корецкая проводила парочку взглядом, повернулась к Бельскому. Лицо её было спокойным, но усталым. Женщина, не глядя, достала свой мундштук, нажала на какую-то выпуклость и, не дожидаясь, сунула цилиндр в рот.

Бельский молча смотрел, как она делает первую затяжку — слишком долгую, как по нему.

— Ну, — спросила она. — Что скажете, Александр Платонович?

Бельский поставил бокал на стол — он так и не притронулся к содержимому.

— Скажу, Алиса Валерьевна, что обсуждать только что случившееся потребно в месте, как можно более далёком от этого. И, желательно, наедине.

Далёким местом наедине оказался экипаж Корецкой.

Она села не на место рулевого, к штурвалу, а назад — рядом с Бельским. Экипаж был не сильно велик в ширину, но диван столь качественно выполнен под фигуру, а между отдельными местами был такой массивный подлокотник, что сидящих рядом мужчину и женщину при всём желании нельзя было заподозрить в какой-либо интимности. Это позволило Бельскому собраться самому и собрать воедино все свои наблюдения. Так что докладывал он уже, будучи совершенно сконцентрированным.

— Вы спрашивали, что я видел, — произнёс он. — Так вот, сообщаю. Я видел человека, который не боится ни вас, ни кого-либо над вами. Даже вашего ведомства, сколько бы чинов ещё ни было над его собственным.

— Вот как? — Корецкая смотрела прямо, в спинку рулевого сидения. — Что, прямо никого наш Штольц и не боится?

— Я не говорил, что никого, — возразил Бельский. — Я сказал, кого и чего он точно не боится. Страх же его лежит пред этим вашим Царёвым.

Корецкая резко повернула голову.

— Продолжайте, — уже не попросила, но приказала она.

— Когда вы упомянули Царёва, его пальцы сдвинулись.

Ненамного, но заметно. Он не знал, что вы знаете Царёва. Теперь знает.

— Пальцы я тоже углядела, — сказала Корецкая. — А почему вы думаете, что это именно из страха?

Бельский вздохнул и процитировал то, что однажды слышал от своего учителя. С точностью до слова.

— Потому, что люди такого калибра не контролируют только самые звериные свои ипостаси. Страх зверя — он сильнее зверя. Ибо лишь страх удерживает его в живых.

— Интересная теория.

— Это не теория, — Бельский улыбнулся. — Это практика. Школа одного очень хорошего дознавателя...

Бельский вдруг понял, что, чудесным образом перенесясь на два века, ещё дальше отдалился от своего учителя. Тоска ткнула в сердце.

Он повернулся к женщине.

— А кто такой Сталин?

— Вы правда не знаете? — Корецкая посмотрела на него без недоверия, просто с вопросом. — Сталин — это легендарный глава государства. Тот, кому с одной стороны поют осанны, а с другой — проклинали, как деспота и тирана.

— Он чем-то прославился?

— Он спас эту страну от порабощения и уничтожения, — сказала Корецкая. — Так думает мой... хороший друг.

— Ваш муж? — догадался Бельский.

Она беззвучно засмеялась, затем снова полезла за своей

паровой сигарой. Нашла, но в рот не клала — оставила в пальцах. Держала она её, как держат настоящую сигару, не цыгарку.

— Нет, Александр Платонович, — сказала наконец она. — Муж мой до такой мудрости не дошёл бы. А почему вы спросили о Сталине?

Бельский смотрел, как на цилиндре рядом с мундштуком красный огонёк сменил цвет на зелёный — сам, словно на-думал.

— Когда вы упомянули про цитату этого Сталина, ваш Штольц испугался не меньше, чем при вопросе о Царёве, — произнёс он. — А скорее, даже больше.

Он поднял голову и встретился глазами со взглядом Корецкой. Женщина смотрела прямо и как будто внутрь — вообще не интересуясь его физиономией.

— А я начинаю бояться вас, Александр Платонович, — произнесла она.

Но сказала это без страха.

ГЛАВА V. Покровитель

1

Автомобиль — тяжелый люксовый внедорожник — шёл по ночной Москве неспешно, но с тем же выраженным напускным достоинством, с которым его хозяин проходил через людей. Автомобильный поток точно так же расступался, не вступая в спор.

Штольц смотрел в затонированное окно, не обращая внимания на спутницу рядом. Катя сидела тут же, вжавшись в кресло, нервно теребила ремешок сумочки.

— Что это сегодня было, Катарина? — спросил Штольц, не поворачиваясь, впрочем, к девушке.

— Что? — Голос Кейт дрогнул. Переход на настоящее имя означал, что Олег Германович недоволен. А она не хотела, чтобы он был недоволен.

— Мне пришлось уйти, — сказал он. — Ты зажалась, как целка перед первой ночью.

Он произнёс это без злобы, скорее с лёгкой брезгливостью. Кейт отпустила ремешок сумочки и уронила взгляд на половичок под туфлями.

— Извините, Ольег Германович. — Её и без того совсем легкий акцент проступал только тогда, когда девушка волно-

валась. — Больше не буду.

— Конечно не будешь, — Штольц наконец повернулся. — А теперь ответь на вопрос.

Кейт поняла, что не отвертеться. Когда этот русский спрашивает вот так — надо говорить всё, что знаешь.

— Мне было страшно, — призналась она. — Этот молчун... он...

— Который? — Штольц приподнял бровь. — Историк, что ли?

— Да, историк. — Кейт кивнула. — Он похож на одного человека. Моряка.

— У тебя в Одессе?

— Да, — соврала Кейт.

Короткие слова вылетали просто, и она уже знала — обманывать в это мире она может только ими.

— Не тяни кота за достоинство, — голос Штольца чуть потеплел. — Расскажи.

Она молчала. Не потому, что не хотела рассказывать — просто собирала мысли в пучок перед тем, как перевести на русский.

Но Штольц понял превратно.

— А не хочешь — и не надо, — сказал он, снова отворачиваясь к окну. — Историки, моряки — какая нахер разница?

Он помолчал секунду, потом добавил, улыбнувшись отражению Кейт в стекле:

— Пока я рядом, тебе ни моряки, ни полиция, ни даже инопланетяне не страшны, поняла?

Кейт сбилась со своего почти оформленного рассказа, и поэтому промолчала.

— Поняла, я спрашиваю?

— Да. — Теперь она не врала. Всё было понятно. — Я поняла.

Штольц оторвался от стекла и наклонился вперёд, тронул водителя за плечо.

— Здесь останови.

— Здесь нельзя, Олег Германович.

— Да наплевать. Вставай, говорю.

Внедорожник притёрся к обочине напротив ярко освещённой витрины дорого продуктового магазина. Штольц самостоятельно открыл дверь и вышел, не оборачиваясь, но вдруг вспомнил приличия и подал ей руку. Она опёрлась и выскользнула из внедорожника, путаясь в длинной юбке.

Он провёл её по газону, поддерживая за руку — шпильки вязли в мягкой почве. Когда они вышли на асфальт, поддержку Штольца как будто отменили Королевским указом.

Они прошли в магазин — почти пустой по вечернему времени. Штольц решительно прошел в секцию алкоголя и выбрал пузатую бутылку темного стекла. Кивнул ей:

— Бери и себе чего-нибудь.

Она замялась, затем указала на белый ликёр — в красивой, фигурной бутылке.

— Вот. Всегда хотела попробовать.

— Попробовать, — поправил её Штольц, забрал вторую бутылку и направился к стойке. Поставил покупки, стукнув доньшками, как портовый грузчик — кружками с портером.

Продавец — пожилой, в накрахмаленном фартуке, с профессиональной улыбкой — окинул взглядом пару.

— Прекрасный выбор, господа. Покупает кавалер?

— Нет, — Штольц чуть усмехнулся. — Дама. Отмечаем совершеннолетие дальней родственницы.

Он повернулся к Кейт:

— Хотела проверить — давай.

Она вынула из сумочки русский паспорт — новенький, хрустящий, только что выданный. Протянула продавцу. Тот скользнул взглядом, почти не глядя на дату рождения, и подобострастно закивал.

— Хорошего вечера!

Упаковал покупки в фирменные коробки улыбнулся с лёгким намёком. Мол, знаю всё, девочка, но ты не волнуйся, мужчина у тебя с виду приличный. Это была ложь. Даже без русского языка, одной подобострастной пантомимой.

Штольц расплатился телефоном, даже не глянув на сумму.

Внедорожник успел переместиться чуть вперёд по дороге, где не было мягкого газона. Поэтому им пришлось чуть-чуть пройтись, что почему-то рассердило Олега.

Перед машиной, когда Катя взялась за ручку дверцы —

Штольц в каждой руке держал по коробке со спиртным — он вдруг спросил — негромко, но с нажимом:

— Вспомнила, что за моряк?

Кейт, уже садившаяся в машину, сбилась. Чёртов каблук подвернулся, она едва не упала, ухватила за дверцу. Штольц усмехнулся и сделал знак — давай, залезай.

Она залезла.

Когда Штольц уселся и передал коробки с бутылками водителю, она уже была готова к рассказу на русском языке.

— Ну? — буркнул русский.

— Я его не знаю, — сообщила Кейт. — Я лишь помню, как он своим кинжалом зарезал Бутылку.

— Кого?

— Портовый человек. — Кейт не знала, как по-русски будет звучать профессия Боттлнека, поэтому перевела, как могла.

— Пряма взял вот и зарезал, с ничего? — усмехнулся Штольц.

— Нет. — Кейт прикрыла глаза. Воспоминания бежали перед глазами, как будто это было позавчера. — Этот моряк его... с меня снял. А когда тот вытащил нож, моряк его, не глядя, прямо... — Кейт сглотнула. — Туда, где у него стояло... стоял...

Она зажмурилась, закрывая ход слёзам. Ещё не хватало сейчас показаться слабой.

Алиса сидела перед компьютером и смотрела в бланк рапорта. Пока пустого.

И как, чёрт подери, написать?

Она честно старалась формулировать максимально нейтрально. Корректно. По форме. Ничего не получалось.

Бельский Александр Платонович. Человек без прошлого. Без документов. Без цифровой личности. С точки зрения любого кадровика — фантом, ошибка Матрицы, дыра в системе, назовите, как хотите.

Но он — вот он. Сегодня так прочитал Штольца, что любо-дорого смотреть. Заметил то, чего не заметила она, следовательно с многолетним стажем — реакцию Штольца на её легчайший намёк в сторону Якобии, через цитату, которую приписывали Сталину, и которую Давид Ираклиевич взял себе в качестве лозунга.

И да, она готова была поспорить на месячную зарплату, Бельский в самом деле понятия не имеет, кто такой Отец народов.

Таких людей у неё никогда не было. И наверняка больше не будет.

И вот — пустой рапорт, жаждущий формального описания того, кого по всем законам этого мира не может быть.

Алиса вздохнула, встала и пошла в душ.

Рапорт подождёт до утра.

Утро выдалось ненастным, с затянувшимся дождём.

Рабочий день — таким же ненастным и затянувшимся прямо с утра. Глава её подразделения, полковник юстиции Грачёв, мужчина весьма терпимый, терпеливый и даже в чём-то обаятельный, сорокалетний, «в самом соку», дважды разведённый и дважды отправленный ею восвояси с его предложением руки и сердца, но не обиженный и, похоже, обид не копящий принципиально, прочитав её рапорт разразился гневной отповедью. Вот от кого, так от Грачёва она такого не ожидала.

— Алиса, ты sdурела? — Грачёв отвернулся от монитора и уставился на подчинённую. — Какой нахрен специальный консультант? У нас даже должности такой не предусмотрено.

— Внештатно, — спокойно произнесла Алиса. — По договору.

— Да при чём это, — Грачёв поморщился. — У него на лбу надпись — «я клоун высшей квалификации». И потом... — он вздохнул, сбавил темп. — Алис, ну хорошо. Допустим, он не псих и не провокатор. Не пранкер там, еще кто из этих. Допустим.

Он положил руки на стол — ладонями вниз. Алиса знала, он всегда так делает, когда переходит с эмоций в рациональное.

— Но его еще полгода-год по заведениям мотать, — ска-

зал Грачёв. — Просто чтобы элементарное гражданство подтвердить. Это если сразу на все рычаги нажать. Даже те, которые вообще не надо трогать. А ты — консультантом следствия.

— Я знаю процедуру, Илья Геннадьевич.

— Ну а знаешь — какого чёрта тогда, а? — теперь в его голосе слышала чуть ли не жалостливость. — Алиса, я тебя очень ценю, ты знаешь. И Давида Ираклиевича — особенно.

Алиса мысленно хмыкнула. Ценит он. Это как сказал бы «я уважаю свою маму». Давид его в СК буквально на поводу привёл. Все барьеры своим аппаратным весом не открывая даже, а снося походу. Грачёв не ценить Давида должен, а боготворить.

— Но! — мужчина поднял палец вверх. — Если я завизирую твоё предложение, нас обоих вышвырнут, случись что. В момент.

Он снова сложил руки на столе.

— А это «случись что» обязательно случится, я спинным мозгом чувствую. — Он улыбнулся, словно прося войти в положение. — И никакой Давид Ираклиевич не поможет.

— То есть нет?

— Ну в кого ты такая, а? — вздохнул Грачёв. — Знаешь же, я не могу сказать тебе нет.

— Тогда скажите да.

— Тогда я скажу тебе, Алиса, что без сигнала оттуда, — его палец снова пронзил воздух, и на этот раз вознёсся выше

темечка, указывая куда-то в потолок, — я даже авторучку со стола не подниму.

Алиса встала, забрала со стола Грачёва своё заявление и аккуратно положила в папку-планшет, с которой внутри СК почти не расставалась. Там порой такие бумаги лежали, даже в сейф класть боязно.

— Спасибо за время, — она кивнула и вышла.

Взгляд Грачёва жёг спину.

К Якобии она приехала прямо из офиса, наплевав на график и кучу дел.

Старая квартира на Чистых прудах прямо от вешалки двери настраивала на тему временного парадокса. Сдвига реальности. Переноса в прошлое и так далее.

Книги начинались прямо с прихожей и не заканчивались, похоже, вообще нигде. Всё пространство квартиры занималось тем, что хранило тысячи фолиантов. Шкафы до потолка полностью подменили собой обои. Даже на кухне — Алиса знала — можно было развернуть небольшую частную библиотеку. С чаепитием в качестве бонуса.

Давид принял её по обыкновению тепло — насколько позволяло его чувство собственного достоинства.

Высокий, сухощавый, с гривой седых волос по моде... да чёрт её разберет, по какой моде. Ни в Союзе, ни после её развала сотрудники Верховного Суда так не стриглись — это совершенно точно. Но Давиду сходило с рук.

Как и воистину одержимость культом Сталина.

Давид был не почитателем, нет. Он был исследователем. В его библиотеке можно было найти, пожалуй, любую книгу, которая так или иначе проливала свет на деятельность именитого соотечественника.

Вот и сейчас — Давид пригласил её в кабинет, где на сте-

не висел портрет Иосифа Виссарионовича. Не парадный, а обычный, почти домашний: вождь сидел за столом в расслабленной позе и что-то читал. Подлинник, кстати. И, как хвастался Давид, картина в единственном экземпляре, цены невероятной.

Якобия занял место под портретом, указал ей на кресло напротив.

— Садись, Алиса. Чаю не предлагаю, ты, как я вижу, то-ропишься.

Она села и рассказала всё, как обычно, сухо, без эмоций, но с деталями и догадками, какие были. Умолчала только о легенде Бельского — той, где он офицер Императорского флота из девятнадцатого века. А сцену в клубе изложила едва ли не по секундам.

Якобия слушал, не перебивая. Только раз дёрнул щекой, когда она сказала, что Бельский, согласно наставлению, за весь вечер в клубе не произнёс ни слова от себя.

— И что ты от меня хочешь? — спросил Давид.

— Чтобы вы поручились за Бельского, — прямо сказала она.

Давид откинулся на спинку кресла и принялся покачиваться. Он так делал всегда, когда включал голову и отключал сердце.

— Он умён, твой Бельский, — произнёс Якобия спустя минут. — И потому, конечно, опасен.

Алиса молчала — она знала, Давид только раскочегарил

свой древний, как паровоз, разум партноменклатурщика.

— Ещё он тебе нравится, — продолжил Давид. — Не пробей он твой эмоциональный панцирь, ты бы палец о палец не ударила, чтобы как-то его приблизить.

— Он полезен, — сказала Алиса. — Это сейчас куда важнее, Давид Ираклиевич.

Якобия улыбнулся.

— Да, но вот вопрос — кому больше? Нам или нашим врагам?

— Прошу, не начинайте. — Алиса поморщилась. — Я не хочу ничего слышать про эти ваши заговоры.

Якобия встал, сходил к одному из книжных шкафов, и вернулся с монументального размера изданием в коричневом переплёте. Количество закладок, что торчали из книги, было таково, что казалось — отмечена каждая страница.

Якобия сел, открыл книгу на одной из закладок, вчитался, затем хмыкнул и открыл в другом месте. Путешествие по изданию завершилось минуты через три, когда он наконец заложил страницу пальцем и процитировал:

— Вот. Что нашим врагам нравится, то нам вредно.

Он отложил книгу с видимым удовольствием. В своем возрасте, а Давиду было уже далеко за семьдесят, он мог похвастаться выдающейся памятью, но цитировать Сталина предпочитал только с источником в руках.

— Расскажи мне вот что, — попросил он. — Как Штольц воспринимал твоего друга.

— Он мне не друг, — буркнула Алиса, просто потому, что надо было. — А Штольц на него смотрел так же, как и на всё. Как на вещь, которая пока не его, но будет нужно — будет его.

— Вот! — Якобия постучал по закрытому тому. — Видишь. Враг — он не друг, он врать не будет.

— Тоже цитата вождя народов? — усмехнулась Алиса.

— Нет, не его. Хочешь, поищу источник?

— Боже упаси, Давид Ираклиевич! — в притворном ужасе вскрикнула она. — Только не это!

Якобия засмеялся первым, она подключилась. Веселье, впрочем, длилось недолго.

— Если бы ты пришла не по делу Штольца, я бы сказал, ты рехнулась, Алиса.

— Мне сегодня Грачёв так и сказал.

— И правильно сделал, — Якобия кивнул. — Он жопой чувствует, когда надо притормозить в помощи. Даже тому, кому трижды признавался в любви.

— Дважды.

— Трижды. Я считал.

Алиса не стала спорить.

— Но твой Бельский, как я понимаю, человек опасный прежде всего тем, кто внутри системы. Какая бы она ни была. А такие люди — ценны своим умением видеть мир иначе, не по регламенту или шаблонам. Понимаешь, куда я?

— Да, — Алиса кивнула. — Штольц — из наших. Так

сказать. Внутри системы и раб регламента.

— Именно, — Якобия снова постучал пальцем по цитатнику. — И, в конце концов, мы с товарищами не для того тащили Красинского в председатели Верховного суда, чтобы всякие Штольцы в его отсутствие шалили в системе дознания.

— Давид Ираклиевич, — еще раз попросила она. — Прошу, без подробностей ваших аппаратных игрищ. Мне это не просто неинтересно, а вредно. Я ладья, а не ферзь. И не слон.

Алиса усмехнулась.

— Хотя дел такой воз, что иной раз хочется побыть тягловой кобылой.

— Ладно, Алиса Валерьевна, — сказал Якобия. — Попробуйте вашу находку. Я похлопочу, чтобы всё прошло быстро, но предупреждаю — одежду вашему инкогнито сошьют на живую нитку. Если кто-нибудь нажмёт — всё развалится, не успеешь набрать мой номер.

— Вы у меня на быстром наборе.

— Вот даже и быстро не успеешь. — Тон Якобии изменился, он в самом деле предупреждал, а не шутил. — Скажи Храпову, я к вечеру позвоню, кому надо. Так что пусть подключает своих людей к работе сразу же. А то знаю я Игната — неделю топку разогревать будет.

Алиса поднялась и, как обычно, вытянулась в струнку. Давид уже давно был не на службе, но перед таким человеком и час постоять столбом не зазорно.

— Спасибо, ваша честь, — ритуально сказала она.

Якобия улыбнулся, тоже поднялся.

— Иди и не грешь, — отозвался он. — И будь осторожна.

— Я всегда осторожна, Давид Ираклиевич.

— Нет, — он покачал головой. — Ты смелая. Была бы осторожной — не вышла бы за Георгия.

Алиса подняла со стола свою папку, прошла к двери и обернулась. Давид по-прежнему стоял под портретом Сталина.

— Кто может устоять перед шармом грузина средних лет? — спросила она. — Даже ваша супруга не справилась. А мне до Нины Васильевны далеко.

— Иди уже! — засмеялся Давид. — Отцу привет передавай.

ГЛАВА VI. Нарядъ для призрака

1

Бельский начал день по обыкновению рано, и к моменту, когда послышался стук в дверь, успел и проснуться, и привести себя в порядок. Казённая одежда всё ещё казалась чужой, сидела мешковато, но зато была удобной. Особенно радовали мягкие чёрные башмаки на каучуковой подошве — лёгкие и бесшумные при ходьбе.

— Войдите, — разрешил он, и сам удивился тому, что теперь даёт кому-то право входить в его «каюту».

Вошёл Храпов. Один, без подчинённых. В руках подполковника был плотный бумажный конверт — казённый, не заклеенный. Выражение лица Храпова было под стать: то ли торжественное, то ли значительное. Так смотрят, когда вручают не подарок, а нечто, меняющее судьбу.

Бельский тут же вспомнил манеры и вытянулся перед подполковником.

— Александр Платонович, — произнёс тот, прокашлялся и продолжил, уже чуть менее официально: — Доброе утро. Я к вам с хорошими новостями.

— Доброе утро, Игнат Андреевич.

Подполковник неожиданно шагнул вперёд и подал руку

для пожатия. Впервые — как равному. Бельский, ничуть не изменившись внешне, внутренне подобрался. Пожал руку полицейскому.

— Вот, — не отпуская руки, Храпов положил конверт на стол. — Вчера вечером из Следственного комитета прислали добро на вашу легализацию.

— Что сие означает?

— Что у вас теперь новая личность, — ответил Храпов. — Только за ней пока ничего нет. Это лишь документы. Не лезьте на рожон, если потянут — всё рассыплется.

Бельский посмотрел на конверт. Он не ожидал, что это произойдёт так скоро. Или вообще произойдёт.

— Позвольте взглянуть? — спросил он.

— Разумеется.

Он вынул содержимое. Первой легла на стол небольшая книжица в тёмно-бордовой обложке с золотым тиснением. «Российская Федерация». Двуглавый орёл — тот самый, что он видел над входом в участок. Герб страны, удивительным делом, почти не изменился за две сотни лет.

А вот качество документа поражало.

Бельский открыл паспорт и чуть не выронил его с непривычки. С левой стороны на него смотрел он сам. В цвете, с абсолютно умопомрачительным сходством. Словно душу вынули и перенесли на плотную бумагу. Нет, не перенесли — создали дубликат.

— Не спрашиваю, когда меня успели запечатлеть, — ска-

зал он. — Но просто из интереса: у всех граждан Российской Им... Федерации теперь такие документы?

— У всех, — подтвердил Храпов. — Поздравляю, вы теперь полноценный гражданин. И, — он чуть сбился, — наверное, самый быстро натурализованный гражданин, которого я знаю. Скажите спасибо Алисе Валерьевне — похлопотала за вас.

Бельский кивнул, листая страницы.

Бельский Александр Платонович. Год рождения: 1989. Место рождения: г. Ленинград.

Он поднял взгляд на Храпова.

— Ошибка в городе моего рождения, — заметил он. — Я рождён в столице. То есть в Санкт-Петербурге.

Храпов усмехнулся, пытаясь что-то объяснить, но в итоге просто махнул рукой.

— Не обращайтесь внимания. Всё как надо.

— И мне теперь тридцать семь лет, а не тридцать пять.

Храпов лишь качнул головой с доброй улыбкой. Бельский понял: он опять цепляется за формальности там, где всё уже решено.

— Прошу прощения, виноват-с.

— Мы делали вам легенду, а не полное соответствие, — пояснил подполковник. — И поверьте, сделали на совесть.

Бельский закрыл паспорт. Маленькая книжица, а весит в руке увесисто. Документ, которого у него никогда не было. Подтверждение того, что он существует. Хотя на самом деле — он всё тот же призрак, просто теперь с бумагами.

— Нижайше благодарю, Игнат Андреевич. Я ваш должник.

— Не мне. Алисе Валерьевне.

— Ей — само собой, я обязательно передам лично, — ответил Бельский. — Но вы — первый, кто отнёсся ко мне как к человеку правдивому. Этого я не забуду.

Храпов кивнул — коротко, по-военному — и вынул из конверта остальное: удостоверение, карточку с фотографией и магнитной полосой, и... ключи. Колечко с двумя ключами и небольшой шайбой на верёвочке. К ним была привязана бирка с адресом.

— Ключи от вашей квартиры, — пояснил Храпов. — Служебная, конечно. Не в центре, но метро рядом. Адрес вот.

— И телефон, пожалуйста, — добавил подполковник, протягивая небольшую коробку.

Бельский открыл её. Внутри лежал диковинный прибор — маленький, чёрный, со стеклянным верхом и кнопками внизу. На каждой — цифра и буквы.

— Это... телефон? — спросил он, пробуя слово на вкус. — Как те, стеклянные на улицах?

— Так точно. Только этот кнопочный, чтобы легче разобраться. Потом покажем, как пользоваться.

Бельский повертел аппарат в руках. Кнопки мягкие, каучуковые, нажимаются одним пальцем. Он нажал одну — прибор пискнул и засветился стеклом с иностранной надписью.

— Освою, — решительно сказал он. — Не впервой с закордонной техникой разбираться.

Бельский покидал околоток, ставший ему приютом на минувшие сутки. В последний раз он переступал этот порог в статусе объекта дознания, ныне же выходил как привлечённый консультант. Именно эта должность значилась на пропуске — небольшой пластине с его изображением и набором полосок, которые, как он уже успел усвоить, служили своего рода ключом к дверям сего ведомства. Он старательно учил новые слова, и уже достиг успехов: нижние чины полиции перестали смотреть на него с насмешкой, когда он открывал рот.

У самого выхода его встретил Храпов. Подполковник беседовал с щеголеватым молодым человеком в безупречно отглаженном костюме, но, завидев Бельского, сделал собеседнику знак подождать и повернулся.

— Александр Платонович, — позвал он. — Не соизволите ли подойти?

— Охотно, — Бельский сменил курс и остановился рядом. — Чем могу быть полезен?

На лице щеголя, до этого чуть высокомерном, появилось недоумённое выражение. Храпов, несмотря на свой строгий вид, любил поиграть словами, иной раз используя лексикон двухсотлетней давности, и сейчас явно забавлялся.

— У нас тут некоторый диспут, — продолжал веселиться

подполковник.

— В данных обстоятельствах места — скорее спор, — поддержал игру Бельский. — И слово «некоторый» здесь весьма спорно тоже.

Храпов хмыкнул, возвращаясь к деловому тону.

— Ну, спор не спор, но к согласию не приходим. Познакомьтесь, это Игорь Ааронович Левитан. Тоже консультант, как и вы. Только в области, куда более... эфирной.

— Александр, — произнёс Бельский, пожимая твёрдую руку «другого консультанта». — Бельский Александр Платонович, если изволите.

— Историк? — бросил Левитан.

— Вы наблюдательны, — Бельский улыбнулся, тронув пропуск. — Да, консультант по историческим вопросам.

Храпов, сославшись на неотложные дела, удалился, оставив их наедине. Левитан, как заправский землемер, отмерил девятнадцать шагов от дверей, остановился и извлёк из кармана мундштук — такой же, какой был у Корецкой.

— Не пользуетесь? — спросил он.

— Иногда позволяю себе, — ответил Бельский. — Но под настроение. И не такие.

— Понятно. Сигары, наверное?

Бельский лишь кивнул. Диалог с Левитаном его забавлял — было видно, что тот намеренно тянет время, присматриваясь к «ещё одному консультанту».

— Давно с Храповым работаете? — спросил он.

— Сколько помню своё имя, — Это было правдой: его новая жизнь началась лишь этим утром. — Это представляется вам важным?

— Нет, — Левитан пустил струю ароматного пара. — Просто я в замешательстве, и не помешала бы помощь человека, умеющего видеть то, что скрыто за фасадом.

Бельский про себя улыбнулся. Молодой человек — лет на десять его младше — вызывал симпатию. Он не юлил и вёл себя уважительно, что в этом новом мире было редкостью.

— Что же вас смутило? — спросил Бельский, уже привычно отбрасывая излишне пышные обращения. — Я готов уделить время вашему замешательству.

Левитан спрятал мундштук и кратко изложил суть: он заработал имя как «цифровой детектив», но сейчас оказался беспомощен. Его объект поиска исчез из Сети — глобального архива, где люди обменивались сведениями и изображениями. Исчез так, словно его стёрли ластиком.

Бельский слушал, уже не удивляясь «светящимся доскам» и «стеклянным пластинам». Он научился воспринимать Сеть как некое подобие телеграфной и библиотечной системы, где следы человека — это записи в регистрационных книгах, только существующие в ином, невещественном пространстве. И если кто-то исчез оттуда — значит, кто-то очень влиятельный вырвал страницы из этой всеобщей книги.

Ситуация до боли напоминала его собственную.

— С прискорбием вынужден сообщить, — произнёс он, — в сих вопросах от меня мало толку.

— Странно, — Левитан пожал плечами. — Храпов говорил, вы виртуозны в чтении невербальных сигналов.

— Для сего потребен объект исследования. В своей телесной форме.

— У меня есть архив старых видеозаписей, — оживился Левитан. — Там мой объект... телеснее некуда! Ой, извините.

Левитан заметил, что из остановившейся у участка поправки ему подают знаки, и поспешно убежал, всунув в руки Бельскому личную карточку с цифрами и буквами.

Бельский аккуратно убрал карточку во внутренний карман пиджака — одежду ему выдали взамен казённой, «пока не надоест». Он чётко помнил инструкцию, которую усвоил вчера вечером. Остановившись у края дороги, он дождался появления жёлтого экипажа и поднял руку. Третий по счёту, подмигивая оранжевым огнём, послушно вильнул к тротуару.

— Мне нужно сюда, — сказал он, протягивая бумажку с адресом.

Водитель мельком глянул и кивнул:

— Садитесь.

Бельский устроился на заднем сиденье. Машина тронулась, и капитан-лейтенант Александр Платонович Бельский впервые поехал по Москве как настоящий москвич — с до-

кументом в кармане, с чувством, что он больше не гость. Он — свой. В пока ещё чужом, но уже подчиняющемся его логике городе.

Третья поездка на *машине* едва не закончилась конфузом. Извозчик, молодой парень, охотно повёз Бельского по указанному адресу. Машину вёл плавно, быстро, всё шло как нельзя лучше. Однако Бельский, по старой флотской привычке, запоминал маршрут. В Адмиралтейств-коллегии умение читать карту и помнить береговую линию было вопросом выживания.

Здесь карта тоже была — на стеклянном экране прибора перед водителем. План Москвы высвечивался в крупном масштабе, и Бельский, глядя в окно, сопоставлял ориентиры с движением стрелки. Вот башня с часами, мост, церковь... Стоп. Та же самая башня.

Бельский нахмурился, но промолчал, давая извозчику шанс. Тот повернул, провёл их мимо церкви — с другой стороны — и снова вывел к той же башне. Сомнений не оставалось.

— Любезный, — произнёс Бельский негромко, но отчётливо. — Позвольте поинтересоваться: мы следуем по кругу с определённой целью, или вы решили показать мне местные достопримечательности?

Водитель вздрогнул. Руки его судорожно сжали штурвал. — В смысле, а? — он попытался изобразить непонимание. — Едем по навигатору. Пробки же.

Бельский посмотрел на прибор по центру. Стрелка, ведущая по улице, была неподвижна, а «пробок» — затруднений в движении, о которых он слышал в разговорах Корецкой, — не наблюдалось вовсе.

— Дорогу не перекрывали, — отрезал Бельский. — Пробок нет. Мы проехали по мосту дважды. Оба раза без помех. Вы решили, что перед вами приезжий, и хотите набить цену. Я вас понимаю. Но грабить себя не позволю. Я достаточно ясно выразил свою мысль?

Он не повышал голоса. Водитель, ожидавший крика или угроз, растерялся ещё больше. Его самообладание, похожее на тонкий лёд, треснуло под тяжестью спокойной, менторской уверенности пассажира.

— Я... я...

— Вы, — согласился Бельский. — Пока ещё вы. Упаси Господь вас стать в моих глазах «ты». А теперь будьте так добры, отвезите меня по адресу. Прямо. Без кружения, которое я всё равно вижу.

Водитель сглотнул. Он молча развернул машину и поехал прямо.

Оставшуюся часть пути они проделали в тишине. Бельский больше не смотрел в окно. Он смотрел вперёд, на дорогу, изредка переводя взгляд на навигатор. Стрелка, будто верный компас, вела его строго к цели.

Дом по указанному на брелке к ключам адресу оказался высоким. Очень высоким. Не таким, как стеклянный колосс из центра города, но все же высоченный — двадцать три этажа. Располагался, как и сказали, в спальном районе — то есть там, куда нормальные москвичи возвращаются после работы. К семье, еде, сну. Всему тому, что и отличает нормального человека от призрака.

Здание было в форме не замкнутой прямоугольной коробки. Эдакая почти квадратная труба, в основании которой — двор с качелями и детскими аттракционами.

Бельский усмехнулся. Неплохо живут простые москвичи. Пошел по периметру этой квадратной трубы, разыскивая нужное парадное. Вот оно — номер семь. Инструкция дальше требовала прислонить брелок на ключах к какому-то домофону. Бельский огляделся, никаких телефонов и прочих фонов не увидел. Только коробочка слева от двери, на ней — колокольчик. А ещё — истёртая пластина, будто к ней часто что-то прикладывали.

Улыбнулся, поднёс брелок — коробочка пискнула, и женский голос произнес:

— Дверь открыта.

Дверь осталась закрытой.

— Сударыня, — ответил он. — Вынужден сообщить, вы

ошибаетесь. Дверь всё ещё закрыта.

Молчание, а затем — дверь открылась. Её изо всех сил потянула светловолосая девочка лет семи-восьми. Ей было тяжело, но она тянула створку в полном молчании, и дверь начала поддаваться.

Бельский спохватился и помог девочке.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, молодая госпожа.

— Как не за что? — удивилась девочка, заходя в парадное. — Вы так смешно разговаривали с домофоном, я почти засмеялась. Вы проходите?

Он последовал за девочкой.

Управлять подъемником он позволил ей. Назвал этаж, прочитав с брелока, и девочка тут же сообразила.

— Вы на заселение?

— Именно так, — он улыбнулся. — А вы догадливая.

Наконец девочка прыснула со смеху, хотя видно было, долго держалась.

— А вы вежливый. — В её голосе прозвенели колокольчики, которые ударили ему по сердцу. Точно тем же тоном смеялась Дашенька. — Мама говорила, что люди, кто сразу общаются на вы, это очень вежливые люди, и с них надо брать пример.

— Ваша мама права. — Следующую улыбку он уже выдавил. — Вот я обязательно возьму с вас пример, сударыня.

Девочка вышла на двадцать втором — на этаж ниже его.

Он дождался, пока автоматические двери закроются и, едва лифт поехал, прислонился лбом к холодной стали.

Нет, слёз по-прежнему не было. Звенело в ушах. Звенели. Колокольчики.

Когда подъемник открыл двери снова — Бельский был уже спокоен и деловит. Он без труда нашёл свою квартиру, открыл лёгкий на проворот замок, и зашёл внутрь.

— Ну вот я и дома.

Квартира оказалась маленькой, но уютной. Одна комната, кухня, ванная. Всё чистое, приготовленное — видимо, Храпов распорядился. На столе записка:

«Располагайтесь. Завтра в 8:00 за вами приедут. А.В.К.»

Нет, распоряжается тут не Храпов. Корецкая.

У него появилась мысль, что в табели о рангах неведомый пока Следственный комитет на три-четыре ранга выше полиции.

Бельский положил записку обратно, снял башмаки и прошёл в комнату. Окно было во всю стену.

Он подошёл и открыл створку — здесь это делалось легко, одним движением руки, — и вышел на узкий балкон.

Ветер ударил в лицо почище того, как бьёт смотрящего на марсовой площадке. Холодный, октябрьский, но удивительно чистый. Вокруг, насколько хватал глаз, лежал город, и

конца-края ему видно не было. Серые, голубые, других цветов коробки домов; жёлтые огни кое-где не погашенных с ночи фонарей, где-то далеко — те самые стеклянные колоссы, которыми Москва-Сити его встретила в этом мире. Они мерцали в сумерках, как маяки неведомого архипелага. А над ними — небо. Бельский поднял голову. Небо было низким, осенним, но всё равно — небо. Последний этаж. Выше — только облака.

— Господи, — сказал он негромко. — Благодарю.

Он не добавил «за всё», потому что иначе и быть не может. Бог всегда даёт всё. Потому что он — и есть всё.

Но Бельский всё-таки уточнил — ему хотелось.

— За то, что не оставил меня. За то, что позволил быть ближе к Тебе. И за этот дом. И за мир.

Он перекрестился, не замечая порывов холодного ветра, что трепали волосы. Где-то внизу, во дворе, засмеялся ещё один ребёнок. Бельский вздрогнул, но не отвёл взгляда от неба. Ему воздалось за терпение и труды.

У него есть дом.

ГЛАВА VII. Канцелярія

1

Проснулся он затемно, успел привести себя в порядок и позавтракать, и ещё — постоять на балконе, дыша морозным уже утренним воздухом и снова созерцая город. Похоже, это становится ритуалом, подумал он, улыбнулся и вернулся в квартиру ровно за секунду до того, как выданный ему телефон зазвонил.

Он взял аппарат в руку. На светящемся стекле была надпись: «Корецкая». Звонок продолжался, надо как-то ответить. На телефоне были две кнопки с телефонной трубкой: зелёная и красная. Он нажал зелёную — не по наитию, а просто потому, что зелёный всегда, и даже на флоте с его иной раз непонятными традициями, означает «разрешаю», «продолжать», «добро». Поднёс аппарат к уху, как делают люди на улицах.

— Я слушаю, говорите.

Из трубки донеслось:

— Доброе утро, Александр. Это Корецкая.

Он чуть не ответил «Здравия желаю, госпожа майор», но сдержался. Телефон — не плац.

— Доброе, Алиса Валерьевна.

— Как обжились?

— Благодарю. Квартира отменная. Вид с балкона — на пол-Москвы.

— Рада слышать. В восемь у подъезда будет машина. Водитель отвезёт вас на Мясницкую. Там Следственный департамент МВД. Я представлю вас сотрудникам. Вопросы есть?

Вопросов было множество. Но ни одного — для телефонного разговора. Бельский ответил коротко:

— Вопросов нет. Буду готов.

— Вот и славно. До встречи. — В трубке что-то пискнуло, и голос исчез.

Бельский посмотрел на телефон — стекло ещё светилось, но имени Корецкой не было. Он положил его на стол — аккуратно, как кладут незнакомый прибор. Затем поднялся, перекрестился на восток (вчера он определил стороны света по закату) и пошёл умываться.

Ровно без пяти восемь Бельский вышел из подъезда — в новом пальто, в новых ботинках, с чисто выбритым лицом. Побрился он тут же, на первом этаже его дома была лавка цирюльника-брадобрея — барбершоп, явно калька с английского. Одежду же приобрёл в здании через дорогу, в огромном магазине готового платья с говорящим названием «Сударь» — он его заметил ещё из такси.

Водитель — в гражданском, не полицейский, — учтиво поздоровался и повёл его к машине, что осталась за пределами двора. Правильно, подумал Бельский, здесь дети игра-

ют — экипажи пусть поодаль встают.

Машина была чёрна, как ночь, но низкая — не огромный экипаж Корецкой на пухлых колёсах. Водитель выученным движением приоткрыл дверцу.

— Прошу.

— Премного благодарен, — ответил Бельский и сел на привычное уже место, сзади справа.

Машина тронулась, и он, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж, позволил себе вспомнить вчерашний день.

Он помнил его весь. И потому, что было, что вспомнить, и потому, что он привык запоминать.

Вот он стоит посреди своей новой квартиры, осматривает шкафы. Пусто. Вот разбирает конверт, оставленный Храповым, и находит деньги — подъёмные на первое время. Вот он в продуктовой лавке — изучает необычайно широкий выбор и ёжится, глядя на достоинство купюр, которые ему выдали на прожитие. И вот — бреется в цирюльне, которую тут называли барбершоп, а потом покупает пальто в магазине готовой одежды через дорогу. А вечером стоит перед зеркалом и говорит своему отражению: «Ну вот ты теперь и москвич, Александр Платонович».

Машина мягко притормозила. Бельский сморгнул, возвращаясь из воспоминаний в реальность. За окном проплывали уже не спальные коробки, а старинные особняки — каменные, с лепниной, с высокими окнами. Улицу он даже узнал — Мясницкая. Здесь, двести лет назад, тоже были кон-

торы, магазины, банки. Многое изменилось, но главное — душа центра города — осталась на месте.

— Приехали, Александр Платонович, — сказал водитель.

— Премного благодарен, милейший, — ответил Бельский. — Сколько я вам должен за поездку?

Водитель улыбнулся, но ничего не сказал. Лишь показал на ручку в дверце и попросил открыть самостоятельно, потому что по его сторону оживлённое движение, «как бы дверь не оторвали».

Бельский ответил улыбкой, попрощался и вышел из машины сам. Пустячок, но в копилку навыков.

Здание выглядело современником Бельского. Аккуратный трёхэтажный особняк, из которого была видна Лубянская площадь, очевидно, не раз ремонтировали, но он остался совершенно московским, без более поздних наслоений, которые Бельский замечал в других домах нынешней столицы.

Аккуратная сводчатая дверь, полукруглый козырёк из полупрозрачного материала, и табличка слева: «Следственный департамент МВД». Даже охраны у входа нет.

Бельский пожал плечами и потянул ручку двери. Та открылась не сразу, сначала поупиралась, будто кто-то её держал изнутри, но потом послышался щелчок, и дверь дрогнула. Бельский потянул ещё раз — открылась.

Там его ждали.

Корецкая — уже в форме, только теперь не в откровенных, тесноватых в бёдрах, штанах, а в кителе поверх явно форменной юбки. Снова короткой, выше колена, но в Москве двадцать первого века Бельский вообще ещё не встречал длинных женских платьев.

Рядом с Корецкой стоял ещё один офицер, постарше, с окладистой бородой и взглядом, который Бельский назвал бы «цепко скучающим». Тоже в форме, но, судя по красным полоскам на эполетах — из полиции, как Храпов.

— Александр, — коротко поздоровалась Корецкая, пожала ему руку и глянула на коллегу. — Я же говорила, будет минута в минуту.

Бородатый усмехнулся, но ничего не сказал. Корецкая вернула взгляд на Бельского.

— Пунктуальность — хорошее качество.

— Привычка, — ответил он. — Флот опозданий не прощает.

— Флот? — подал голос бородатый.

Корецкая бросила на Бельского взгляд, означающий «Вот здесь — не надо, хорошо?». Он коротко кивнул: «Будет сделано».

— Познакомьтесь, — продолжила Корецкая. — Капитан Абрамян, мой, так сказать, коллега. Работает в следственной структуре МВД.

— И остро конкурирует со следаками СК, — непонятно добавил Абрамян, протягивая руку. Бельский пожал, легко удержавшись от того, чтобы вытянуться. Он уже начинал понимать местные порядки и правила этикета. Тут всё было куда проще, чем в его времени.

— А это, — Корецкая кивнула на Бельского, — наш магистр старины глубокой. Александр Бельский, прошу любить и жаловать.

— Доктор исторических наук, надо полагать? — с плохо скрываемым ехидством спросил Абрамян.

— Нет, пока ещё кандидат, — холодно ответила Корец-

кая. — Докторскую только готовит.

— Главное, чтобы не любительскую, — снова непонятно ответил капитан.

Бельскому этот «коллега» уже не нравился. Не из-за его отношения к «консультанту», кем теперь был сам Бельский, а просто по характеру и манере себя держать.

Корецкая вместо ответа проводила Бельского через вращающийся шлагбаум, внесла какую-то запись в документ сидящего рядом охранника, и пошла дальше, не оглядываясь. Бельский следом, замыкал шествие Абрамян.

Поднявшись на третий этаж, Корецкая привела их в небольшую залу, сплошь уставленную столами. На столах были терминалы — те самые окна в невидимый мир информации и архивов, что так поразили Бельского в полицейском участке. За большинством сидели люди в форме или в штатском, кто-то говорил по телефону, кто-то стучал по кнопкам терминалов. На Бельского глянули двое, и без интереса. Еле слышно пахло кофейным ароматом.

Корецкая шагнула назад и, образно говоря, передала вожжи капитану. Абрамян кивнул и в две минуты объяснил Бельскому, где его место, почему он пока будет работать только здесь, а не из дома, и показал бумажку с последовательностью символов, которые нужно было запомнить. Бельский запомнил с первой попытки, и капитан, как будто даже поспешая, тут же порвал записку и выкинул в стоящее у стола ведро для бумаг.

На этом Абрамян и закончил. Переглянувшись с Корецкой, ушёл, не оглядываясь.

Она проводила его взглядом, не удержавшись от лёгкой, ироничной улыбки. Жестом пригласила Бельского садиться, сама ногой придвинула соседний стул и устроилась рядом.

— Ну как вам? — спросила она, когда Бельский наконец усадил себя тоже.

— Обстановка? — уточнил он.

— И это тоже. — Она побарабанила пальцами по столу. — Но я спрашивала об Абрамяне.

— Он вас не... — Бельский осёкся. Хотел сказать «не любит», но в данных обстоятельствах это прозвучало бы совершенной дикостью. Нашёл нужное: — Он вас не ценит.

— Ещё бы, — усмехнулась женщина. — Я четыре его глухаря размотала.

— Простите?

— Забудьте, — она махнула рукой. — Сейчас вам нужно понимать лишь одно. Меня, как следователя СК, да и все моё ведомство тоже, тут воспринимают скорее как соперника, чем коллегу.

— Сие мне знакомо тоже.

— Это.

— Простите?

Корецкая улыбнулась — без теплоты, но и не так, как Абрамян.

— Учите современный русский, Александр, — сказала

женщина. — Местоимение «сие» вообще не в ходу. — Она чуть помедлила и произнесла следующую фразу явно в шуточном тоне: — Как автомобиль назвать моторной каретой.

Бельский вернул такую же улыбку.

— Ну, хорошо.

Корецкая засмеялась в голос, чем заставила кое-кого в зале удивлённо повернуться в их сторону.

— Вы быстро учитесь, — сказала она через смех. И уже тише, почти шёпотом — то ли, чтобы другие не слышали, то ли в шутку: — Для двухсот тридцати семилетнего.

Бельский вдруг почувствовал, что напряжение, заряженное ещё на входе в здание, когда он увидел Абрамяна рядом с Корецкой, отпускает его. Женщина с зелеными просветами на эполетах приняла его, каким он есть. Уж верит ли в самом деле, что он из Питера двухвековой давности, или нет — сие... это неведомо... неизвестно.

Но хотя бы считает его человеком.

Это... радовало.

— Каковы мои обязанности? — Он кивнул на терминал.

— Учитесь, — повторила Корецкая и встала с кресла.

Бельский тут же поднялся вслед. — Знакомьтесь с системой. С людьми — пока не надо.

— У меня присутственный график?

— Что? — не поняла она. — Ах, да. — Корецкая кивнула.

— На первом этапе — да. С девяти до двух вы здесь. Затем — гуляйте по городу, слушайте, смотрите. За две недели вам

нужно стать если не своим, то хотя бы не чужим.

— И, разумеется, я должен держать в тайне то, что увижу... — он махнул в сторону терминала. — Я верно понимаю служебную диспозицию?

Корецкая поморщилась и вздохнула с нескрываемым упрёком. Но не обратила внимания на его формализм.

— Вы не прочтаете там, — она повторила его жест в сторону терминала, — ничего, чего вам не следует знать. Единственная просьба — не пересказывайте ничего из прочитанного на людях. И уж тем более, не отдавайте... — Корецкая поморщилась, подбирая слово. — ... газетчикам. Договорились?

— Договорились.

Корецкая кивнула и ушла, не попрощавшись.

Бельский смотрел ей в след и тщательно гнал мысли о том, что форменная юбка выше колена идет ей куда больше, чем брюки.

Он снова сел перед терминалом и поднял из памяти цифро-литерный код, который показал ему Абрамян.

— Хорошо, — сказал он сам себе, глядя на экран. — И куда нужно произнести этот шифр?

Разобравшись с тем, как запустить терминал, Бельский первым делом принялся изучать литерную доску. Или клавиатуру, как её тут называли — соответствующая информация была на задней части устройства. Оказалось, что это довольно простое и удобное устройство. Запомнить расположение клавиш, конечно, потребовало времени и труда, но к исходу первого получаса Бельский довольно уверенно находил нужные литеры среди прочих. Последующие эксперименты дали навыки переключения между регистрами и языками — вторым тут был английский.

С еще одним устройством, получившим забавное название «мышь компьютерная», он даже и разбираться не стал — просто посмотрел, как ею пользуются другие. И утвердился в мысли, которая его уже посещала: техника в этом мире была одновременно пугающе сложная по сути, но очень простая в освоении. Помнится, что-то такое о воображаемом будущем писали литераторы его времени. Не ошиблись.

С терминалом он разбирался дольше и труднее. Тут простой логикой уже ничего не объяснялось, а просить помощи у «коллег» Бельский посчитал неуместным.

В целом система за стеклянным экраном выглядела как большой, очень сложный архив, но с прозрачной структурой и, главное, возможностью искать по запросу. Как оно всё ра-

ботало, Бельского не интересовало. Всему своё время.

Ближе к обеду он приступил к разбору выделенных для его внимания дел.

Первое дело: кража иконы из церкви в Подмоскowie. Прошло три года, но даже подозреваемый не найден. Икона, по справочнику, семнадцатый век, письмо ярославское, цены немалой. Бельский всмотрелся в изображение иконы. Он помнил такие — в Петербурге, в Исаакиевском соборе, есть похожие.

Второе дело: контрабанда антиквариата через границу с Финляндией. Таможенники перехватили груз — монеты, фарфор, серебро, но не смогли найти заказчика. Дело закрыто за истечением срока давности.

Третье: поджог усадьбы девятнадцатого века. Четвёртое: хищение музейных экспонатов...

Список был из нескольких десятков пунктов. В основном дела были уже закрыты или переквалифицированы, но каждое из них касалось исторических объектов — значимых или не очень, но всегда заметных.

Бельский чувствовал, что Абрамян, или кто там составлял подборку, работал не просто так. Его проверяли. Могли он, якобы историк-архивист, заметить то, что пропустили современные следователи?

Он вернулся к первому делу и углубился в чтение. Через некоторое время, незаметно для себя, он начал впитывать новый язык. Современная грамматика, поначалу резавшая

глаз, теперь казалась просто иной формой письма — к устной речи имевшей примерно такое же отношение, как письмо XIX века — к манере изъясняться тех времён.

Но тогда различия были меньше. Теперь люди говорили с большим отрывом от письменности: короткие фразы, рубленые формулировки. Почти как строевые команды. Он запоминал обороты, выписывал на листе бумаги (её почти нескончаемый запас обнаружился в ящике стола), подчёркивал незнакомые слова пером, которое тут называли ручкой.

Где-то к часу дня, просматривая список дел уже более свободно, он наткнулся на папку с пометкой «Свежее». Дата — три месяца назад. Он открыл её.

Доступ к деталям был закрыт — требовался дополнительный допуск. Но открытая фабула высветилась на экране целиком. Бельский пробежал её глазами. «...гражданин Сабуров Дмитрий Игоревич, 1985 г.р., исчез при невыясненных обстоятельствах... все цифровые следы уничтожены... записи с камер видеонаблюдения повреждены... паспортные данные, ИНН, банковские счета — ликвидированы...»

Он замер. Сердце стукнуло ровно один раз — сильно, глухо — и снова вошло в ритм.

Стёртый из этого мира. Как Бельского стёрли из его собственного.

Он читал дальше, но текст не открывал ничего нового. Обстоятельства исчезновения, предварительные версии, отметка о приостановке дела за отсутствием улик — всё. Тупик.

Бельский закрыл папку на экране — нажал на крестик в углу документа. Остался только фон с двуглавым орлом.

«Сабуров», — повторил он про себя. Само имя ничего не значило. Кто-то целенаправленно, тщательно, безжалостно уничтожил его присутствие в документальном обороте этого мира. Том самом, что, как теперь понимал Бельский, составляет неотъемлемую его часть.

Терминал мигнул и потух, как делал уже несколько раз. Бельский машинально коснулся клавиатуры, возвращая его к жизни — если сделать быстро, не придется заново вводить шифр доступа.

Его пальцы уже открывали следующее архивное дело, но в сознании держалась фамилия из прошлого — Сабуров.

«Кто-то умеет стирать людей. И делает это очень хорошо».

В голове тут же всколыхнулось воспоминание о лощенном Левитане — цифровом детективе. У него тоже кто-то пропал.

Бельский зафиксировал и закрыл эту мысль.

Присутствие еще не окончено, — подумал он и углубился в чтение.

Обед здесь не выдавали пайками — на него ходили, как положено служивому люду в канцеляриях. Только не в трактире или харчевне поблизости, а прямо в самом здании. На втором этаже была небольшая, но уютная столовая — судя по табличке на двери.

Бельский отстоял небольшую очередь, с аппетитом отобедал предложенными блюдами, удивился невысокой цене, и, довольный, вернулся за стол.

До окончания присутствия было еще семнадцать минут, когда зазвонил его телефон. Светящееся стекло имени не показало, лишь набор цифр.

— Я слушаю.

— Добрый день, Александр Платонович, — Бельский узнал голос Храпова. — Как устроились?

— День добрый, Игнат Андреевич, — ответил Бельский. — Благодарю, всё отлично. Изучаю дела, знакомлюсь с техникой. А вы как?

Пожалуй, это было уже запанибратство, но Бельский, воодушевленный своим новым статусом, не выдержал и дал лишку.

— Служба идёт. — В голосе Храпова послышалась улыбка. — Сможете подъехать к нам сегодня?

— Да, смогу. От меня что-то еще нужно?

Бельский не успел остановиться, буркнул по-старому, хотя уже знал, что говорить надо «требуется».

— Заявление о находке вашей, — произнёс Храпов. — Гильза, помните?

— Такое на забывается, — сухо ответил Бельский. Он всё ещё злился на себя из-за «потребно».

— Ваш проводник, Егор Муха, тоже тут, — зачем-то добавил Храпов. — Он заполняет свидетельские. На тему вашего обнаружения. Приезжайте, Александр Платонович, я кое-что придумал тут для вас.

Бельский не думал. Во второй половине дня он формально свободен делать, что угодно. Вот и ладно. Съездит, ничего с ним не сделается. Что без машины — так наверняка в городе и другой транспорт найдется. Такси, опять же.

— Я буду, — сказал он в трубку. — Только подумаю, как добраться.

— Хорошо, жду.

Голос Храпова исчез, телефон пискнул и выключился. Бельский убрал его в карман и огляделся.

За соседним столом сидел молодой человек в штатском — явно из местных сотрудников, — что-то быстро печатал, не глядя на клавиатуру.

— Прошу прощения, — обратился к нему Бельский. — Мне нужно добраться до полицейского участка в Центральном округе. Это далеко отсюда?

Молодой человек поднял глаза — пустые, незаинтересо-

ванные.

— В интернете посмотрите. Карты, схема метро. Из прошлого века, что ли?

Бельский хотел было пошутить, что нет, из позапрошлого. Позлее, чтобы этот пустоглазый запомнил, как следует отзывать на просьбы.

Но — осёкся.

Этот здесь свой. Не Бельский.

Он повернулся обратно к терминалу, пригляделся. Ага, вот картинка с подписью «Интернет». Он нажал на неё стрелочкой мыши компьютерной, открылось окно с картинками побольше. Кхм. Вот и «Карты». Отлично.

Через десять минут он уже знал, что от Лубянки до участка возле Москва-Сити можно добраться и на такси, и на велосипеде, и на каком-то самокате. Но самый быстрый маршрут был на неведанном ему метро. Бельский уже знал, как пользоваться поиском, поэтому настучал на клавиатуре запрос об этом виде транспорта и вчитался в первую же статью.

Через пять минут он уже спускался по лестнице к выходу из Следственного департамента. Если то, что написано про московское метро в Интернете, правда — он обязан увидеть это своими глазами.

Станция метро «Лубянка» была в пяти минутах от здания Следственного департамента. Бельский даже не успел насладиться видом центра Москвы, его тянуло под землю — к тем картинкам, которые ему показал Интернет.

Вместе с людским потоком он миновал стеклянные двери, прошёл через какую-то металлическую рамку, и задумчиво встал перед новым препятствием. Очевидно, это была какая-то пропускная зона — ход вниз разделялся серыми блоками с лампочками спереди. Людей было немного, но хватило, чтобы через пять минут он знал, что делать.

Бельский достал выданные ему купюры, приобрел в окошке синюю карточку для прохода — на ней почему-то была надпись «Тройка». И через две минуты стоял уже в подземном храме человеческого гения.

Потому что иначе это не назвать.

Он медленно поднял голову. Потолок станции уходил ввысь, невысоко — но массивно. И это была не привычная прихожанину тяжесть каменных сводов храма, а лёгкость и монументальность одновременно.

Массивные пилоны, что были облицованы белым мрамором с редкими вкраплениями темной породы поражали идеальной геометрией. А их гладкость заставляла усомниться, что это вообще человеческая работа.

Бельский подошёл, провел рукой по холодному камню — ни единой шероховатости. Мрамор удивительным образом и был мертвее мертвого, и в то же время казался живым, дышащим историей своего тут появления.

Он сам не осознал, как его же рука, чуть ли не самостоятельно, трижды перекрестила его.

— Уж-то верующий, сынок? — послышалось позади.

Он медленно, стараясь не нарушить торжество момента, обернулся. Позади него стояла пожилая... да нет, совсем уже старая женщина в платке и строгом платье до пола. В руке она держала ручку от удивительной сумки на небольших колесиках.

— Доброго дня, матушка, — он поклонился. — Веровал, верую и буду веровать.

— Истинно, или же как положено? Моды ради?

— Истинно, матушка.

Старушка усмехнулась — не зло, а показала картинное недоверие. Но, впрочем, быстро его погасила. Смело подошла к нему почти вплотную — голова её оказалась на уровне груди Бельского, — посмотрела лицо в лицо и произнесла громким, театральным шёпотом:

— А то смотри, нехристей этот подземный храм с душой сжирает!

Из тоннеля, словно в аккомпанемент, задуло холодным воздухом. Резко и без предупреждения.

— А знаешь, почему? — продолжала роль старушка. —

Потому что коммунисты-безбожники это всё копали! Копали-копали, чтобы к дьяволу дорогу вымостить.

— И вымостили? — Бельскому хватило духа не улыбнуться, но смолчать было уже выше сил. Старушка старалась в этой пьесе, и получалось у неё блестяще.

— Нет, — всё ещё шёпотом произнесла она. — Дорога к Сатане — она ведь оттуда, сверху. Кто от бога отвернулся, тому и дьявол рад. А кто без веры, того и Ад к себе не пустит.

— Почему?

— Почему? — старушка подняла тембр, поскольку вслед за ветром в тоннеле появились отблески приближающегося света и неясный шум. — Потому что дьяволу душа нужна, а не грехи. Откуда ж душа у неверующего?

Наконец она засмеялась старческим, сухим и резким смехом. Бельский тоже был улыбнулся, но вдруг понял — старушка не роль играла. Не на публику выступала, и даже не для него персонально.

Она и в самом деле верила в то, что сказала.

Ибо «откуда же душа у неверующего»?

Под ногами завибрировало, словно сама планета тяжело вздохнула. А затем из черного зева тоннеля вырвался уже совсем сильный порыв ветра и ударил в нос запахом разогретого металла и резины.

Того, как из тоннеля вынырнул блестящий, лупоглазый червь подземного поезда, Бельский уже не запомнил. Он отошёл к стене и продолжал смотреть на старушку с сум-

кой-тележкой. Она, как ни в чём ни бывало, зашла вместе с толпой в вагон — кто-то помог ей затащить тележку, — и поезд, самостоятельно закрыв двери, ушёл.

Бельский сжал в кармане синюю карточку «Тройка», словно она могла быть оберегом от козней лукавого. На встречу с которым безбожники копали-копали, да, выкопав, были отправлены восвояси.

Ибо нет души у неверующих.

В полицейском участке его узнали и даже документы проверили скорее для проформы. Все указывало на то, что слухи о странном человеке в рваном морском мундире уже разошлись.

Бельского пригласили в комнату для посетителей, где уже сидел тот самый молодой парень, что привёл его в участок. Перед юношей лежал диковинный прибор — терминал, объединённый в одном корпусе с клавиатурой. Рядом — несколько исписанных и исчерканных листов. Увидев Бельского, он порывисто вскочил, чуть не опрокинув стул.

— Дядь, это вы!

— Александр Платонович, — Бельский улыбнулся, но протянутую руку пожал с удовольствием. — А для вас, молодой человек, пожалуй, что и просто Александр. К слову, нас так и не представили лично.

— Ну, круто, — начал молодой человек, но диалог и знакомство состоялись чуть иначе, чем думалось Бельскому. Открылась дверь, и в проёме показался подполковник Храпов. Почему-то уже в штатском — выцветших синих штанах, почти порванных на коленях, и бесформенном коротком балахоне с пятиконечной звездой на груди и надписью «Армия России». За спину у балахона, как заметил Бельский, был откиннут глубокий капюшон.

— Муха он, — пробасил Храпов. — Егор Муха. Только осенняя. Ленивая и сонная. Второй час уже заявление нормально написать не может.

— В самом деле? — удивился Бельский и глянул на Егора.

— Я помарок не терплю, — тот пожал плечами. — А сегодня что-то не получается.

— Такой же странный, как тот, кого привёл, — Храпов улыбнулся. — Везёт нам в последнее время на таких.

Бельский внутренне напрягся. Неужели ещё кто-то... оттуда, из прошлого? Но Храпов объяснять не стал, лишь попросил Егора посодействовать Бельскому в оформлении заявления, оставил образец и вышел.

Бельский повернулся к Егору.

— Как ваши дела, молодой человек?

— Да нормально. Показания вот пишу. — Егор кивнул на листы. — Про того охранника, что на вас бычил.

— Значит, будем писать вместе, — улыбнулся Бельский, изучая образец заявления. — А я, стало быть, буду описывать, как нашел гильзу от некоего травматического пистолета.

Оторвав взгляд от образца, он спросил Егора:

— А что си... это такое — травматический пистолет?

Молодой человек очевидно тяготел к оружию, и охотно объяснил, что это и зачем. И как работает тоже. Включая электрическое воспламенение малой дозы пороха.

— Вот оно как. — Бельский кивнул. Конструкция гильзы

в этом свете теперь виделась ему совершенно разумной. — Спасибо. Только вот...

Он замялся, представив, как сейчас будет писать заявление в грамматике двухсотлетней давности.

— Что такое, дядь... то есть... — Егор сбился. — Можно я вас всё-таки по имени-отчеству буду звать?

Бельский разрешил, и объяснил проблему с грамматикой.

— Погодите, — Егор закрутил головой. — То есть вы в самом деле...

— В самом деле я обучен на другой грамоте, — припечатал Бельский, внимательно глядя в глаза Егора. — Со стороны это видится так. Доступно ли твоему пониманию я объяснил суть?

Егор моргнул. Потом усмехнулся — но не обидно, а как-то по-свойски.

— Как профессор дореволюционный, — не выдержал Егор. — Но это даже круто. А давайте я помогу. У меня тут ноут, я сейчас сфоткаю, прогоню через распознавалку текста, а потом нейросеть пусть переведёт на человеческий.

Бельский ничего из сказанного не понял, как выразилась Корецкая, от слова совсем. Но с идеей согласился и принялся писать так, как писал бы двести лет назад. Это заняло каких-то десять минут, и обошлось даже без испорченных листов.

Егор на его почерк смотрел, как на что-то невозможное. Бельский бросил взгляд на исчерканные листы в непонятных

закорючках, всё понял, но не подал виду.

Егор взял лист, показал его своему странному терминалу, нажал какую-то кнопку.

— Всё, — сказал он. — Сейчас загрузится.

Бельский смотрел, затаив дыхание. Изображение его рукописного текста — того самого, что он только что выводил, само возникло на экране. Затем Егор снова что-то сделал, и строчки начали превращаться в печатный текст. Яти исчезали. Твёрдые знаки таяли. Окончания менялись. Слова пере-страивались.

Через минуту на терминальной части прибора светился документ — тот же самый, но написанный уже в современной тональности и в местной грамматике.

Бельский молчал. Егор с тревогой посмотрел на него.

— Вы чего? Нормально же получилось?

— Машины... — медленно произнёс Бельский. — Ваши машины умеют думать. И писать. На любом языке.

— Ну да. Только не машины, а нейросети.

— Нейросети, — повторил Бельский, пробуя новое слово на вкус. — Это... это невероятно. Это превосходит все мои представления о возможном. Я ведь еще три дня назад...

Он хотел сказать «писал гусиным пером», но осёкся. Егор — приятный человек, но еще неизвестно, чем для него может выйти лишнее знание.

Бельский поднял взгляд на парня.

— А как теперь этот текст вернуть на бумагу? Я бы хотел

оставить снизу свою подпись.

Через полчаса оба заявления лежали на столе у Храпова. Подполковник пробежал глазами, кивнул, поставил резолюцию.

— Ну вот, — сказал он, откидываясь на спинку стула. — Теперь дело о хулиганстве выглядит полновесно. Спасибо, Александр Платонович. И вам, Егор Дмитриевич.

— Да ладно, — ответил Егор.

— Рад был помочь, — отозвался Бельский.

Храпов помолчал, перевёл взгляд с одного на другого. Потом, наконец решившись, подался вперёд.

— Александр Платонович, у меня к вам предложение. Неофициальное.

— Слушаю.

— Вы в городе человек новый. Вам нужен кто-то, кто понимает местную жизнь. Кто может помочь и с техникой, и с языком. — Храпов кивнул на Егора. — Вот он. Студент юрфака, голова светлая. Я с ним поговорил — он не против поработать с вами. В качестве помощника.

Бельский повернулся к Егору. Тот сидел, тоже подавшись вперёд, с горящими глазами.

— Вы это сейчас серьёзно говорите? — спросил Бельский.

— Абсолютно, — сказал Храпов. — Если согласны, я оформлю Муху как внештатного практиканта. В органах зачтётся. Денег пока не обещаю, но опыт — бесценный.

— Я согласен! — выпалил Егор. — В смысле, если Александр Платонович...

Бельский перевёл взгляд на юношу. Вспомнил, как тот вёл его по улицам незнакомого города. Как показал море в светящейся пластине. Как не бросил у дверей участка. Сегодня — как прогнал его старомодный текст через машину-нейросеть и сделал письменный голос Бельского понятным для нового мира.

— Я согласен, — сказал он и повернулся к Егору. — Добро пожаловать на борт, юнга.

— На борт? — переспросил юноша. — Юнга?

— Присказка такая, — Бельский улыбнулся. — Странность. Привыкайте.

ГЛАВА VIII. Стёртый

1

Ритуал и впрямь укоренился.

Бельский стоял на балконе и вдыхал чистый, холодный воздух московского октября. Молитва уже отзвучала; теперь он просто смотрел на город — огромный, немыслимо раскинувшийся до самого горизонта, исполненный камня, стекла и скрытой в них жизни.

Во дворе было ещё пусто: для детей слишком рано. Снизу поднимался только ровный гул просыпающейся столицы — далёкий, но настойчивый, как шум прибоя за туманом. И от этого гула Бельский невольно вспомнил старуху из метро — то ли безумную, то ли, напротив, из тех, кому в простоте открывается нечто, недоступное людям рассудочным.

Копали-копали — и докопались.

Он усмехнулся.

Вот ведь как, Александр Платонович: о баллистике рассуждать готов, с умным видом судить о конструкциях здешнего оружия тоже, а ближайшее прошлое Москвы знаешь хуже гимназиста. Исторический консультант.

Улыбка, впрочем, вышла доброй. Он давно выучил полезное правило: самокритика хороша ровно до той черты, за ко-

торой начинается бесплодное самокопание.

Бельский вернулся в квартиру, оделся уже привычными движениями и тем же привычным маршрутом вышел из дома. До станции метро было пять минут пешего хода — удобство, которому он всё ещё удивлялся. По дороге он отметил про себя, что и двух суток не прошло, а утренние действия уже сложились в подобие рутины. А рутину, как он хорошо знал ещё по флоту, есть вернейший признак того, что человек освоился в обстановке и перестал тратить душевные силы на каждую мелочь.

Рабочий день начался так же размеренно.

Абрамян сидел за столом у противоположной стены и пил что-то из бумажного стакана. Взгляд в терминал, пальцы на клавишах. На Бельского он даже не посмотрел — не из демонстративного пренебрежения, а по отсутствию всякого интереса. Отношения между ними установились холодные, но без явной вражды; и на том спасибо. Бельский не обижался. Капитан Абрамян был человеком системы, прочно в неё вросшим, а он здесь — инородное тело, допущенное к делу по чьей-то воле. Такие вещи не любят, но, если они не причиняют боли, с ними мирятся.

Он сел за терминал, ввёл шифр и вошёл в доступную ему архивную часть. Сегодня он намеревался закончить разбор дела о контрабанде через финскую границу и до полудня свести наблюдения в краткий письменный отчёт.

Но прежде, сам не вполне понимая отчего, он решил вернуться к делу Сабурова.

Тому самому — о человеке, исчезнувшем так, словно его вынули из самой ткани этого мира.

Архив на миг задумался и сообщил, что по данному запросу ничего не найдено.

Бельский нахмурился.

Он слишком хорошо помнил увиденное, чтобы усомниться в собственной памяти. Не доверяя даже столь малой вероятности ошибки, он повторил поиск — по фамилии, по инициалам, по категории свежих дел, по ключевым словам из фабулы. Результат оставался прежним.

Ничего.

Он откинулся на спинку стула и скользнул взглядом к Абрамяну. Тот перебирал бумаги и по сторонам не смотрел. Бельский поднялся, подошёл к нему и, кашлянув, привлёк внимание.

Капитан вскинул глаза.

— Что вам?

— Сергей Сергеевич, — сказал Бельский. — Позвольте один вопрос.

— Ну?

— В первый день моей работы я видел в списке недавних дел одно — о пропавшем человеке по фамилии Сабуров. Сегодня его в системе нет.

Абрамян посмотрел на него долгим, совершенно пустым

взглядом. Но пустота эта была не настоящей: Бельский успел заметить короткую паузу, в которой капитан выбирал ответ.

— Нет дела — нет задачи, — произнёс он наконец. — Вам же легче.

— Это понятно, — кивнул Бельский. — Однако, по моему разумению, дело убрано из доступа по ошибке. Я не успел с ним ознакомиться и желал бы вернуться к нему впоследствии.

На сей раз Абрамян не медлил ни мгновения.

— Нет дела — значит, его нет, — отрезал он. — Работайте с тем, что есть.

— Ясно, Сергей Сергеевич. Благодарю за разъяснение.

Абрамян коротко кивнул и вернулся к бумагам. Бельский же отошёл назад, сел за терминал и ещё раз — уже скорее для очистки совести, нежели в надежде на иной исход, — повторил поиск по фамилии Сабуров.

Ничего.

Он достаточно прослужил при канцеляриях и архивах, чтобы знать одну простую истину: дела не исчезают. Их не выбрасывают, не сжигают и не развеивают по ветру. Архивная служба держится как раз на том, что бумага — или то, что заменяет её в нынешнем веке, — помнит всё. Да что там... само его появление здесь, в двадцать первом столетии, выросло из архивной надобности. Не пойдя он тогда в подтопленный подвал вытаскивать бумаги — не было бы ни котлована, ни Москвы, ни этого стола с терминалом.

Следовательно, дело не уничтожили. Его просто убрали с тех глаз, которым не положено его видеть.

Кто-то не желает, чтобы внешние консультанты совали нос в историю Сабурова.

Что ж. Уже любопытно.

К двум часам пополудни, когда его присутственное время истекло, а у здешних сотрудников начался обеденный перерыв, Бельский вынул из внутреннего кармана визитную карточку. Ту самую, что в спешке вручил ему цифровой детектив Левитан.

Он покрутил карточку в пальцах, прочёл имя ещё раз и убрал её обратно.

Затем поднялся, проверил, вышел ли из своего доступа к архиву, выключил терминал и направился к выходу.

Обедать сегодня он будет не здесь.

Левитан отозвался лишь на девятом гудке, когда Бельский отошёл от Департамента почти на квартал.

— Алло.

— Здравствуйте, Игорь Ааронович. Это Александр Платонович Бельский.

— Кто?

— Мы с вами встречались у входа в полицейский участок, рядом с Москвой-Сити. Вы дали мне свою именную карточку с номером телефона.

— А, историк, — голос Левитана заметно оживился. — Да, конечно. Слушаю вас.

— Мы можем встретиться где-нибудь в центре? Место — на ваш выбор.

— А-а... — в трубке повисла короткая пауза. — А вы сейчас где?

— Иду по Мясницкой, от центра. Примерно...

Бельский запнулся. Он уже знал, что страна живёт в иной системе расстояний, но всё ещё не умел переводить шаги в метры — то, чем нынешние люди измеряли пространство, не имея на то, как ему казалось, ни глазомера, ни привычки.

Он поднял взгляд и заметил на углу табличку.

— Сейчас прохожу мимо поворота на Кривоколенный переулок.

— Спасибо за точность, — усмехнулся в телефоне Левитан. — Давайте встретимся у метро Красные Ворота.

— Это далеко от меня?

— Вы пешком?

— Да.

— Тогда минут пятнадцать, наверное. Хотя погодите... Храпов говорил, вы из Питера. Лучше сразу идите по Яндекс-картам. Не заблудитесь, там почти всё время прямо.

— Благодарю. Если что, спрошу дорогу.

Они распрощались, и Бельский продолжил путь. Без карт — прямо, пока шла Мясницкая. А там, если понадобится, и впрямь можно будет спросить у кого-нибудь. Город он уже начинал понимать, но не настолько, чтобы безошибочно идти на новое место по одной только памяти и внутреннему компасу.

К станции метро, выход из которой и в самом деле был оформлен в виде красных ворот, он вышел не через пятнадцать, а через двадцать три минуты. Часов у него не было, но выданный телефон умел показывать время, и Бельский понемногу приучал себя доверять этой маленькой полезной вещи.

Левитана на месте ещё не было.

Он появился минут через пять, не со стороны метро, а откуда-то из садовых улиц. Подошёл быстрым шагом, извинился за опоздание и, словно желая тотчас загладить вину, почти потащил Бельского за собой — в заведение по сосед-

ству. На фасаде зелёными буквами было написано: «French Bakery». Почему французская выпечка именовалась по-английски, Бельский уже даже не пытался понять: в этом веке языки, по-видимому, жили в гораздо более беспорядочном соседстве, чем государства.

Едва переступив порог, он понял: не трактир.

Скорее булочная — по густому, тёплому запаху свежей выпечки. Но поверх него стоял другой, не менее властный аромат: кофе. Современная Москва, как Бельский уже успел заметить, явно почитала сей заморский напиток с усердием, какого в его времена удостаивались разве что чай да водка. Кофе здесь пили везде и все.

Посетителей почти не было: двое молодых людей с переносными терминалами у окна да пожилая дама с книгой в дальнем углу. Дама поверх страниц смотрела пристально и почти беззастенчиво — но исключительно на Бельского. Левитана она, кажется, вовсе не замечала.

Хотя, если судить беспристрастно, Игорь Ааронович сам по себе привлекал взгляд куда охотнее. Подтянутый, хорошо одетый, с вниманием к каждой мелочи: ладный костюм, светлая сорочка, золотые запонки, блестящие ваксой туфли. Держался он прямо и даже чуть картинно, точно человек, который давно привык к тому, что его замечают.

Но Бельский, привыкший читать не наряд, а лицо, увидел и другое.

Тёмные круги под глазами. Лёгкую припухлость век. Ед-

ва заметную дрожь в пальцах, когда Левитан поправлял манжет. Всё это выдавало усталость — глубоко загнанную внутрь, но не до конца подчинённую воле. Человек держался, и держался хорошо, однако уже жил на одном внутреннем распоряжении.

— Давайте и впрямь познакомимся заново, что ли? — сказал Левитан, подавая руку. — Игорь.

— Александр, — ответил Бельский, пожимая её с охотой. Левитан кивнул, огляделся — по всей видимости, ища полового, — никого не нашёл и вновь повернулся к собеседнику.

— Итак? Что за разговор, который не для телефона?

Бельский помедлил.

Корецкая ясно дала понять, что выносить за пределы Департамента сведения из прочитанного не следует. Но он и не собирался выносить сведения. Ему нужен был ответ на единственный вопрос — а ответ этот, судя по всему, мог открыть совсем иную дверь.

— Игорь, — начал он, намеренно удержав себя от отчета, — при нашей первой встрече вы сказали, что не можете найти одного человека. И назвали его, если не ошибаюсь, стёртой личностью.

— Допустим, — Левитан чуть прищурился.

— Фамилия этого человека, случайно, не Сабуров?

Левитан замер.

Ладони его сжались в кулаки быстрее, чем он сам успел

это заметить. По лицу один за другим прошли три выражения: удивление, недоверие — и затем нечто, подозрительно похожее на облегчение.

— Откуда вы знаете? — спросил он тихо.

Этого Бельскому было достаточно.

— Неважно, — сказал он ровно. — Скажем так: я узнал об этом случайно. И узнанное совпало с тем, о чём вы тогда говорили.

Левитан по-прежнему держал кулаки сжатыми. Самообладание, как Бельский уже отметил, не было сильнейшей его добродетелью.

— Теперь я хочу понять, что здесь происходит, — добавил Бельский.

— Вы... — Левитан сбился. — Вы мне поможете?

— При одном условии.

Собеседник, уже было начавший расслабляться, снова внутренне сжался, точно пружина под ладонью.

— Я должен сначала обсудить с начальством и условия, и сам порядок нашего сотрудничества.

— С Храповым? — вырвалось у Левитана. — Он ничем не поможет.

— Не только, — Бельский едва заметно усмехнулся, глядя на почти детское отчаяние в глазах молодого человека. — Начальство у меня теперь, как выяснилось, не в одном лице.

В полицейском участке всё оказалось почти так же, как в первое посещение. Проходная, звонок начальству, документы — теперь уже с настоящим паспортом, — потом внутрь. Дежурная часть, и тот же старшина Петров в роли встречающего; по обыкновению — без хлеба-соли и без излишней сердечности.

Храпова ждали долго. Левитан успел четырежды с кем-то переговорить по своему стеклянному телефону — вполголоса, прикрывая рот ладонью. Наконец их позвали: другой полицейский провёл обоих в кабинет начальника.

Храпов сидел за столом, буквально заваленный папками. Завидев посетителей, он тяжело вздохнул, снял очки и потёр переносицу. Подполковник устал. И, возможно, даже отчасти обрадовался их визиту — хотя бы потому, что тот дал повод на минуту оторваться от бумаг.

— Я знал, что этим кончится, — вместо приветствия сказал он. — Игорь, это что ещё такое?

— И вам здравия, Игнат Андреевич, — отозвался Левитан. — А что именно вас смущает?

— Я тебе сказал: если совсем увязнешь в своих интересах, можешь поговорить с нашим историком. — Храпов недовольно дёрнул подбородком в сторону Бельского. — За чем ты привёл ко мне Александра Платоновича?

Потом повернулся к нему:

— Добрый день, кстати. Как, осваиваетесь у наших следков?

— Здравствуйте, Игнат Андреевич. — Бельский шагнул вперёд и пожал протянутую руку привставшего Храпова. — Благодарю вас за участие. Осваиваюсь понемногу.

Храпов тяжело опустил обратно на стул и снова перевёл взгляд на Левитана.

— Ну?

Тот заговорил. Бельский слушал и отметил про себя: а ведь излагает молодой человек недурно. Коротко, связно, по делу. Пропавший человек. Стёртые цифровые следы. Три месяца без малейшей зацепки. Родственники наняли его, когда полиция уже развела руками. Он перепробовал всё — без толку. И вот...

Левитан посмотрел на Бельского.

— И тут господин историк звонит мне и говорит, что знает о деле Сабурова.

До этой минуты Храпов слушал, не перебивая. Но на словах про телефонный разговор дёрнулся и резко перевёл взгляд на Бельского.

— Это так? — спросил он.

— Не совсем.

Бельский произнёс это ровно, не желая задевать и без того взвинченного Левитана, но довольно ясно показав, что в рассказе Игоря Аароновича имелась неточность.

— В телефонном разговоре мы личности Сабурова не касались, — сказал он. — Если позволите, я изложу по порядку.

И он кратко пересказал всё, как было на самом деле, — от звонка до разговора во «Французской выпечке».

Храпов чуть расслабился и повернулся к Левитану.

— Игорь, я тебя когда-нибудь точно закрою суток на двое.

— За что, Игнат Андреевич? — с притворным изумлением спросил Левитан.

— За ущерб здоровью. За моё сердце инфарктное.

Храпов прикрыл глаза и несколько раз постучал пером по листу бумаги. Затем шумно выдохнул и снова посмотрел на детектива.

— Короче. — Подполковник отбросил перо в сторону; оно пролетело почти через весь стол и едва не свалилось на пол. — Идите и сами между собой разбирайтесь. Я-то думал, у вас здесь что-то важное.

Он уже поднял голову, явно намереваясь крикнуть дежурного, когда Бельский заговорил:

— Игнат Андреевич.

— Ну? — Храпов повернулся. — Вам есть что добавить, господин историк?

— Я видел дело, связанное с исчезновением Сабурова, — сказал Бельский. — В архиве Следственного департамента.

— Да не пи... — Храпов кашлянул в кулак. — Александр Платонович, следки не занимаются этими цифровы-

ми смертями и прочей такой белибердой. Это вон Игорь себе такую профессию завёл.

Подполковник произнёс именно так — не «профессию», а «профессию», явно нарочно и с явным же отношением к занятию Левитана.

— В материалах дела не рассматривалось ничего цифрового, — спокойно возразил Бельский. — Это было дело о бесследном исчезновении человека. Живого человека.

Левитан смотрел на него примерно такими же глазами, какими Егор в своё время — со смесью недоверия, удивления и растущей надежды.

Храпов же лишь прищурился.

— Так, — произнёс он, потянувшись за пером на краю стола. — Оба — вон отсюда. Можете искать, можете не искать, вы оба люди частные. Делайте что хотите. А мне нервы трепать не надо.

Левитан тяжело вздохнул и повернулся было к выходу. Очевидно, в прошлый визит к Храпову он получил примерно такую же отповедь.

Бельский с места не сдвинулся.

— Дело Сабурова было, — сказал он. — А затем исчезло.

— Не понял. — Храпов всё-таки уронил перо; на сей раз оно всё-таки упало на пол. — В каком смысле исчезло?

— Кто-то убрал его из той части архива, которая доступна мне. Уже после того, как я однажды его просмотрел.

Храпов откинулся на спинку стула, нащупал на столе очки

и попытался надеть, но промахнулся дужкой, чертыхнулся беззвучно и снова отложил их.

— Абрамян знает? — спросил он уже без прежнего нажима.

— Я сообщил ему.

— И что он ответил?

— Что, раз дела нет, мне надлежит заниматься другими.

— Бельский чуть помедлил. — Сообщено это было в форме достаточно прямой.

— Так. — Храпов снова потянулся за очками, на этот раз надел их с первой попытки. — Игорь, можешь делать что хочешь. Я тебе всё уже сказал в прошлый раз. А вы, Александр Платонович, раз работаете с Алисой, у неё и осведомляйтесь, как вам теперь поступать. У меня всё.

Подполковник медленно поднялся, обошёл стул, поднял с пола упавшее перо и уже безо всякой сдержанности швырнул его на стол. Потом повернулся к посетителям.

— Чего застыли, Александр Платонович? Телефон вам выдали. Звоните Корецкой и ставьте на громкую.

Бельский потянулся было к аппарату, но Храпов уже передумал. Грузно рухнул обратно на стул, вынул собственный телефон — такой же стеклянный, как у Левитана, только меньше и, как успел заметить Бельский, с треснувшим краем. Несколько раз ткнул в него пальцем и, не дожидаясь ответа, положил на стол. Сперва стеклом вверх, потом поспешно перевернул. Но Бельский всё же успел заметить светящу-

юся надпись: «Алиска».

— Да, Игнат. — Голос Корецкой был сух, слова быстры. На заднем плане что-то шумело — то ли машины, то ли какие-то работы. Явно не кабинет, и звонок этот её, по-видимому, не обрадовал.

— Алиса... Валерьевна, — сказал Храпов, с небольшой заминкой перед отчеством. — У меня тут Левитан. Помнишь нашего гения сети? Пришли вдвоём с Александром Платоновичем.

Пауза, наполненная шумом.

— И что? — спросила Корецкая.

— Давайте наш историк вам и скажет, что, — произнёс Храпов и подвинул телефон ближе к Бельскому.

Тот подошёл, чуть наклонился к прибору и обстоятельно, как на устном докладе, изложил всё, чему был свидетелем в деле Сабурова. И знакомство с Левитаном, и мелькнувшее в архиве дело, и его последующее исчезновение, и разговор во «Французской выпечке» — по возможности без пропусков, по порядку и без лишних домыслов.

Тишина в трубке, прерываемая какими-то рычащими звуками, длилась долго. Левитан стоял, едва дыша. Бельский тоже молчал. Храпов сопел, не сводя глаз с телефона.

— Нет, — сказала Корецкая.

Левитан выдохнул. Храпов потянулся рукой к телефону, но Корецкая продолжила:

— У вас есть основная работа, Александр Платонович.

Абрамян вам её не отменял. У меня своих хлопот хватает. И они не про частных детективов, пропавшие души или что там у вас происходит в Сети.

— Я понимаю, — сказал Бельский. — Но позвольте заметить: дело, исчезнувшее из моего доступа, находилось в системе Следственного департамента МВД. Стало быть, кто-то внутри ведомства счёл нужным его скрыть. И этот кто-то — не частный детектив, а сотрудник конторы. Смею спросить — а в чём была причина?

— Причина?

— Причина не удалять его с моих глаз, это я объяснить могу, а устами господина Абрамяна сообщать мне заведомую глупость.

— Это какую же? — спросила Корецкая.

— Что дела будто бы не существует. — Бельский перевёл дух. Корецкая клюнула — теперь важно было не сбиться. — Между тем оно существует. Иначе не возникло бы в архиве изначально. Его не уничтожили — его от меня спрятали.

Снова пауза. Бельский услышал, как Корецкая выдохнула — не в трубку, а куда-то в сторону. Потом тихо сказала кому-то, кажется: «Подожди».

— Продолжайте, Александр.

Бельский бросил взгляд на Левитана — тот походил на статуэтку, которой скульптор в шутку открыл рот, да так и оставил. Храпов постукивал пером по столу и, кажется, едва заметно улыбался.

Бельский вновь наклонился к телефону.

— Если дело закрыто по ошибке — это один случай, — сказал он ровно, без нажима, но и без уступки. — Если же его убрали намеренно — совсем иной. Однако в обоих случаях не отменяется главный факт: дело было. А раз так, господин Левитан вправе продолжать свои розыски как частный детектив. Я же, как частное лицо, могу оказать ему содействие. Полагаю, сообщая мы способны добыть сведения, которые по отдельности получить не сумеем.

Он умолк. Корецкая тоже молчала.

— Игнат? — позвала она.

— Я здесь, — отозвался подполковник.

— Ты за этого своего детектива поручишься?

— Он не мой, — буркнул Храпов. — Но не дурак и не болтун.

Левитан наконец закрыл рот, чтобы тут же картинно, не вполне искренне, изобразить изумление, глядя на полицейского. Храпов на эту пантомиму даже не посмотрел.

— Так что да, поручусь, — подвёл он итог.

— Ладно, — произнесла Корецкая. Тон её не потеплел ни на йоту. — Пусть этот интернет-Шерлок платит Александру сам. Бюджет МВД не резиновый, и я не знаю, сколько ещё смогу выбивать деньги на частных консультантов.

Левитан подался вперёд, к телефону:

— Деньги есть. Работа оплачена родственниками пропавшего.

Но Корецкая уже обращалась к Бельскому:

— Александр Платонович, это ваше личное время. Основная работа страдать не должна. Если что-то найдёте — сначала мне. Без самостоятельности. Всё, у меня вызов.

Телефон пискнул и умолк.

Храпов смахнул его со стола в карман и покачал головой.

— Ну, Александр Платонович. Умеете же вы убеждать. Не хотел бы я иметь вас против себя.

— Простите, против себя — в каком смысле?

— Во всяком, — Храпов снял очки и повернулся к Леви-тану. — Игорь, слышал товарища следователя? Готовь деньги.

Контора Левитана помещалась в месте, которое Бельский иначе как чудным назвать не мог.

Они вышли из метро на станции «Бауманская», миновали несколько старых, явно ещё фабричных корпусов, свернули в проулок и остановились перед массивными воротами бывшего завода. Кирпичная кладка, высокие окна, труба в отдалении — всё говорило о том, что прежде здесь что-то делали руками, шумом и огнём. Теперь же над входом красовалась надпись: «Центр креативного цифрового творчества».

— Здесь, — сказал Левитан, прикладывая пропуск к машине на проходе, такой же, как в метро. Кажется, эта штука именовалась турникетом.

Внутри завод оказался уже вовсе не заводом.

Просторный холл, стеклянные перегородки, зелень в кадках, люди на диванах с переносными терминалами на коленях. Кто-то пил из кружек — разумеется, кофе, — кто-то вполголоса спорил над разложенными на столе чертежами. Бельский уловил обрывок фразы про какую-то «блочейн-платформу» и в который уже раз подивился тому, сколь причудливо ныне плодятся слова, называющие вещи, которые ещё вчера показались бы колдовством.

Поднялись на последний этаж — шестой. Подъёмник здесь был старый, почти промышленный, скорее клеть,

нежели кабинка, но внутри отделан деревом и снабжён зеркалом. Левитан отпер ещё одну дверь ключом-карточкой и пропустил гостя вперёд.

— Прошу. Скромное жилище холостяка.

Скромным жилище не было.

Под самой крышей располагалось огромное помещение — мансарда с наклонными окнами, из которых открывался вид на вечернюю Москву. Пол — светлое дерево. Вдоль стен — стеллажи с приборами, назначения которых Бельский не знал. Рабочий стол с тремя терминалами, кресло, похожее скорее на кокон, чем на кресло. В углу — кожаный диван, потёртый, но добротный и, без сомнения, дорогой. Рядом — стеклянный столик, на нём бутылка янтарного напитка и два стакана.

— Вы здесь один живёте? — спросил Бельский, окинув взглядом простор.

— Я здесь один работаю, — поправил Левитан. — Живу в другом месте. Хотя, бывает, и ночую.

Бельский продолжал осматриваться.

Он повидал довольно казённых квартир и чиновничьих кабинетов, чтобы без труда отличать настоящий достаток от пущенной в глаза роскоши. Здесь было и то и другое. Техники — много, и, судя по виду, недешёвой. Мебель же — не новая, собранная, по всей видимости, из разных мест. Стены выкрашены недавно, но кое-где уже тронулись трещинками. Левитан тратился на то, что считал важным, и без сожаления

скупился на всё остальное.

— Располагайтесь, — сказал хозяин, указывая на диван у стеклянного столика. — Коньяк? Нет? Тогда чай.

— Для коньяка, полагаю, ещё не время, — ответил Бельский, кивнув на бутылку. — А за чай буду признателен.

Левитан кивнул и отошёл в сторону. Оттуда донеслись щелчок и следом ровный шум закипающей воды. Через несколько минут он вернулся с двумя чашками на блюдцах, от которых шёл лёгкий пар.

Чай оказался чёрным и весьма недурным — почти как в Портсмуте, где Бельскому случалось бывать в настоящей чайной, куда хорошие сорта доставляли прямо из Ост-Индии.

— Ну что ж, Александр Платонович, — сказал Левитан, когда Бельский отставил чашку. — Теперь, может быть, объясните, откуда вы вообще знаете фамилию Сабурова? И что это за дело вы видели?

Бельский покачал головой.

— Я бы предложил прежде условиться о порядке нашего сотрудничества.

— То есть?

— То есть пока я не принёс вам никакой пользы, — спокойно пояснил Бельский, — мы друг другу ничем не обязаны, кроме общего интереса к этому делу. Но именно поэтому лучше заранее определить, на каких условиях будем действовать и как разделим вознаграждение, если до него дойдёт.

Левитан отставил чашку и громко, даже чуть нарочито, рассмеялся.

— Да вы, господин историк, ещё и делец!

Бельский не ответил и молча отпил чаю.

— Хорошо, — сказал Левитан. — Предлагаю так. У меня на руках невозвратный задаток — двести тысяч. Делим пополам. Считайте это платой за хлопоты.

— Продолжайте.

— За достоверные сведения о пропавшем мне обещано ещё полмиллиона. Их поделим в зависимости от значимости того, что каждый из нас сумеет добыть. Если не договоримся — третейским судьёй будет, ну, скажем, Храпов. Устраивает?

Бельский снова поставил чашку — почти пустую.

— Игната Андреевича вовлекать в раздел денег не стоит, — сказал он. — Думаю, два честных человека сумеют между собою договориться по справедливости.

На том и порешили, скрепив уговор рукопожатием.

— Я видел только фабулу, — сказал Бельский, откинувшись на мягкую спинку дивана. — Без подробностей. Исчезновение человека, сопровождавшееся уничтожением всех его так называемых цифровых следов. Затем — отметка о приостановке дела за отсутствием улик. Пока мне известно лишь это.

— И вы сразу поняли, что речь о моём клиенте?

— Вы сами сказали, что ищете стёртую личность, — от-

ветил Бельский. — Подобные совпадения случаются крайне редко.

Левитан кивнул, обдумывая услышанное.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда давайте по порядку. Я расскажу всё, что знаю. А вы — если заметите в этом что-то, чего я не увидел...

— Для того я и пришёл.

Левитан усмехнулся — впервые за весь вечер без прежнего напряжения.

ГЛАВА IX. Чемоданъ исторіи

1

Левитан начал не сразу.

Было видно, что ему нужно сперва вернуть себя к началу этой истории — не просто припомнить факты, а вновь войти в них умом. Он допил чай, поднялся, подошёл к окну — тому самому, наклонному, выходившему на вечернюю Москву, — и простоял там с минуту, глядя не то на город, не то сквозь него. Бельский не торопил. Он слишком хорошо знал: человеку, собирающемуся рассказывать важное, мешать нельзя.

Наконец Левитан вернулся, сел, отставил чашку и заговорил.

Сабуров Дмитрий Игоревич. Сорок семь лет. Успешный предприниматель, один из основателей компании под названием «Нимб». Занималась она, как пояснил Левитан, делами репутации в цифровой среде. Бельский не всё понял в этих словах, но общий смысл уловил быстро: в нынешнем мире репутация была чем-то вроде капитала. А в некоторых случаях, пожалуй, и поважнее капитала — потому что ею торговали, её чистили, ею распоряжались, как распоряжаются имуществом.

Сабуров, по словам Левитана, помогал сохранять или ис-

правлять эту репутацию людям влиятельным и богатым — олигархам, политикам, публичным фигурам. В своей среде его звали Ластиком. Не в лицо, а за глаза — но, как понял Бельский, без насмешки и скорее даже с уважением.

Далее Левитан заговорил о том, что биография Сабурова была прочно вплетена в историю российского Интернета. Этого слова он уже не объяснял, полагая, видимо, что Бельский и так понимает достаточно. Сам Бельский, если говорить честно, понимал пока немного и весьма поверхностно, но перебивать не стал. Он только отметил про себя: разобраться в сем предмете нужно будет основательнее.

Как следовало из рассказа, Сабуров принадлежал к тем людям, что стояли при самом начале российского интернета — ещё в конце девяностых годов, когда всемирная сеть лишь начинала опутывать страну. Тогда он уже находился внутри этого нового пространства и, если верно понял Бельский, считался одним из деятельных устроителей новой эпохи. Одно время даже исполнял обязанности директора некоего крупного интернет-портала, что именовался Rambler. Что именно означал «портал», Бельский представить себе не мог, но по тону Левитана понял: речь шла о структуре значительной, почти учреждении.

Словом, Сабуров стоял у истоков целого мира.

Исчез он три месяца назад.

Вышел из своего офиса на Патриарших прудах — и пропал.

Не только телесно. Вообще.

Левитан стал перечислять обстоятельства одно за другим, и с каждым новым пунктом Бельский всё явственнее чувствовал холодок, пробегающий по спине.

Паспортные данные Сабурова исчезли из государственных баз. ИНН, СНИЛС — все те номера и обозначения, которыми человека крепят к здешней действительности, — были аннулированы так, словно их никогда и не существовало. Учётные записи в социальных сетях, почта, облачные хранилища — всё стёрто без возможности восстановления.

На этом месте Левитан отдельно пояснил, что никакие данные в так называемых облачных серверах обычно не исчезают окончательно: если сам человек что-то удаляет, это лишь перестаёт быть видимым глазу, но не уничтожается на самом деле.

Бельский мысленно кивнул. Это хорошо совпадало с тем, что он уже успел понять про дело Сабурова в архиве МВД. Там, по его разумению, произошло не уничтожение, а именно сокрытие: документ убрали из доступа, но не из бытия.

Здесь, однако, общий порядок, как утверждал Левитан, оказался нарушен.

Архивы Сабурова исчезли не с виду, а по-настоящему. Чужие фотографии, на которых он был запечатлён или как-то обозначен, оказались повреждены, а затем система позднее сама убрала их как негодные. Финансовые операции за десять лет словно обнулились. Камеры наблюдения в день

его исчезновения ничего не зафиксировали.

Для государственной, общественной и сетевой машины нынешнего века Дмитрия Игоревича Сабурова как будто не существовало вовсе. Никогда.

Бельский слушал молча, и где-то на самой границе сознания шевелилась мысль — холодная, тёмная и крайне неприятная.

«Очень похоже на мою историю. Неужто и обо мне там, в прошлом, память вымарало?».

Левитан говорил дальше, но Бельский уже чувствовал: всё существенное прозвучало именно сейчас. После начиналось то, что обычно следует за беспомощностью.

Полиция развела руками. Дело приостановили за отсутствием улик — сухая служебная формула, за которой, как Бельский слишком хорошо знал по собственному опыту, чаще всего скрывается одно простое обстоятельство: никто не понимает, с какой стороны подступить. Следов нет. Тела нет. Свидетелей нет. Остаётся только бумага, подтверждающая отсутствие всего остального.

Из родни у Сабурова, как сообщил Левитан, осталась лишь двоюродная сестра, жившая в Подмосковье.

На этих словах Бельский поднял взгляд уже с явным интересом.

Левитан понял его без пояснений и продолжил: именно эта сестра и наняла цифрового детектива. Она же передала все материалы, какие только удалось собрать. По своим ка-

налам Левитан проверил: иной близкой родни у Сабурова действительно не было, а всё оставшееся после него — квартира в центре, значительные счета в банках и прочее имущество — ожидало наследника.

Но, как разумно заметил Левитан, если бы сестра желала лишь получить наследство, то вряд ли стала бы тратить деньги на частного сыщика, чтобы разыскивать двоюродного брата.

Тут он умолк, и Бельский поднял глаза.

— Что за материалы передала сестра?

Левитан усмехнулся — на этот раз без прежнего напряжения, но с новым выражением, которого Бельский у него ещё не видел. Так смотрит человек, заранее знающий, на каком именно месте собеседник должен споткнуться и задать нужный вопрос.

— А вот это, Александр Платонович, — сказал он, поднимаясь, — вам лучше увидеть собственными глазами.

Левитан поднялся и, пообещав скоро вернуться, вышел из комнаты. Бельский остался один у чайного столика. Когда Левитан вернулся, в руках у него был чемодан — рыжий, выцветший, с потёртыми углами, явно старый. Похожие чемоданы Бельский помнил и по своему времени: с такими офицеры ехали в дальние гарнизоны, перевозили бельё, бумаги, нехитрый личный скарб и, бывало, всю жизнь в одном корпусе.

Чемодан оказался тяжёлым. Левитан с заметным усилием поставил его на столик и, лишь выпустив ручку, позволил себе короткий вздох облегчения.

— Вот, — сказал он. — Семейный архив.

Он щёлкнул замками и откинул крышку. Бельский невольно подался вперёд.

Внутри, аккуратно уложенные в разноцветные конверты — хотя изнутри все они были одинаково чёрными, — лежали фотографии. Много фотографий. Каждый конверт был подписан от руки аккуратным, почти канцелярским почерком: «1986, июнь. Дача. Дима и ребята», «1989, сентябрь. Первое сентября», «1992, зима. Каток». В особом ящичке сбоку лежало ещё что-то с надписью: «Плёнка (8 мм), немая».

— Здесь всё? — спросил Бельский.

— Всё, что передала сестра. Детство, юность, армия, начало карьеры. Дальше — пусто. С конца двухтысячных Сабуров почти не снимался. Словно заранее начал исчезать.

Бельский это отметил.

Насколько он уже успел понять, люди нынешнего века имели явную склонность непрестанно запечатлевать себя — для памяти, для публики, для неизвестно ещё чего. И если человек лет пятнадцать кряду уклонялся от общего правила, в этом, без сомнения, следовало видеть нечто примечательное.

Он взял верхний конверт и вынул несколько снимков.

Фотографии были чёрно-белые, с белёсыми полями по краям, совсем не такие, какие он видел у Егора на телефоне. Скорость, с какой здешний мир прошёл путь от подобных карточек до цветных, почти живых изображений в ладони, вновь заставила его подивиться. Но мысль эта тут же ушла в сторону: важнее было иное.

Он стал перебирать снимки.

Мальчик лет семи на крыльце загородного дома. Тот же мальчик постарше — с ранцем, среди сверстников, должно быть, в гимназии. Молодой человек в военной форме; фуражку с иным головным убором не спутаешь. Значит, армия.

И почти на каждой снимке вокруг Сабурова кто-нибудь был.

Семья? Друзья? Сослуживцы? Пока он не знал ни одного лица, кроме самого Дмитрия Игоревича, но память уже

начала работать как положено: цеплять черты, позы, повторяющиеся фигуры, сходство профилей, манеру стоять возле объектива.

— Сколько здесь всего... фотографий? — спросил он, не поднимая головы.

— Около полутора тысяч.

Другой бы на его месте сглотнул, представив объём работы, но Бельский знал цену поговорке «глаза боятся — руки делают». Поэтому лишь покачал головой и произнёс после короткого вздоха:

— Я хотел бы просмотреть всё.

Левитан кивнул, словно и ждал именно этого.

— Так и думал. Садитесь к терминалу, я открою вам оцифрованный архив. Две недели над ним корпел.

— Игорь Ааронович, я так не работаю.

Левитан посмотрел с явным недоумением.

— В каком смысле?

— Мне удобнее смотреть с бумаги, — пояснил Бельский и продолжил, чуть покривив душой, потому что дело было не в бумаге как материале, а в методе. — Нам не надо искать Сабурова на фотографиях, он тут везде. Нужны лица рядом с ним. Те, что повторяются. Какие делают его окружение и жизнь, что запечатлены на бумаге. От этого, полагаю, и следует отталкиваться.

Левитан замер. По лицу было видно, что в таком аспекте он проблему не обдумывал. Молчал он, однако, недолго.

— Александр Платонович, — сказал молодой человек, — это полторы тысячи фотографий. На несколько недель работы.

— Да, — спокойно ответил Бельский. — Но другого пути я пока не вижу.

— Зато я вижу, — вдруг усмехнулся Левитан, словно поймав какую-то мысль за хвост. — Пойдёмте.

Они подошли к одному из терминалов. Левитан что-то нажал, открыл какую-то программу, и вскоре на экране появились мелкие копии фотографий из архива. Их и впрямь было множество — Бельскому даже от одного взгляда на эту россыпь стало ясно, что глазами за раз тут ничего не возьмёшь.

— Дайте мне полчаса, — сказал Левитан. — У меня арендован клиент искусственного интеллекта. Пусть смотрит и сравнивает.

Бельский вновь не понял ровным счётом ничего, кроме того, что работу поручают ещё одной машине, только более хитрой, чем прочие. Однако спорить не стал.

— А что в той жестянке? — спросил он, указав на ящик с надписью «Плёнка».

— Киноплёнка, разумеется, — отозвался Левитан. — Старая, ещё немая. У меня её копия на сервере есть. Хотите посмотреть?

Бельский кивнул с интересом, и Левитан, ненадолго оторвавшись от своего терминала, подвёл его к другому экрану. Через несколько минут на нём возникло очередное чудо

двадцать первого века — ожившие изображения. Не просто фотографии, а сама жизнь, пойманная на ходу. Бельскому казалось, будто он смотрит собственными глазами на детство маленького Дмитрия Сабурова: первые шаги, игры, школьные сцены, деревенский дом — тот самый, что уже мелькал на карточках.

Запись, по всей видимости, была склеена из отдельных кусков. На последнем из них, снятом уже, кажется, другой рукой, взрослый Сабуров стоял рядом с миловидной темно-волосой женщиной в простом платье и, как понял Бельский, позировал.

Когда картинка исчезла, уступив место чёрному фону, Бельский ещё с минуту сидел молча, переваривая увиденное. Потом вспомнил термин, который когда-то мелькнул в архиве МВД, и повернулся к Левитану — тот всё ещё работал за своим терминалом.

— Других записей нет?

— Нет, это всё, — отозвался Левитан. — Идите сюда, мы закончили.

— Простите, кто это — мы? — спросил Бельский, поднимаясь.

— Я и скрипт на базе дипфейса. Долго объяснять.

Бельский подошёл и встал у него за спиной. На экране перед ним были выведены миниатюры — пятьдесят две, как он успел быстро сосчитать.

— Будем смотреть? — спросил Левитан.

— Да, но... — Бельский запнулся, бросив взгляд на распахнутый чемодан, забитый снимками. — Вас не затруднит распечатать отобранные на бумаге?

Из пятидесяти двух фотографий десять оказались негодными для анализа. Люди рядом с Сабуровым менялись, и никакой чёткой системы в этом увидеть не представлялось возможным. А вот оставшиеся сорок два снимка демонстрировали Сабурова в обществе одного и того же спутника.

Бельский взял пачку — карточки были ещё тёплые — и окинул взглядом мансарду. Подходящего стола в комнате не нашлось. Тогда он попросил освободить место на полу, чтобы можно было разложить снимки рядами.

Левитан покачал головой с уже знакомой усмешкой.

— Есть способ лучше.

Через несколько минут все фотографии уже висели на стене, прикреплённые по краям прозрачной липкой лентой.

— Теперь мы и впрямь как настоящие сыщики, — довольно объявил Левитан, отходя на шаг и становясь рядом с Бельским. — В фильмах у них всегда так.

Бельский молча рассматривал выстроенную перед ним фотостену и отмечая, что они с Левитаном действительно сделали первый шаг в расследовании. И, благодаря искусственному интеллекту, очень быстро, почти мгновенно.

Не поворачивая головы, он спросил:

— Ваш искусственный интеллект сможет назвать нам этого неизвестного друга Сабурова?

— Нет, конечно.

— И прекрасно, — с лёгкой улыбкой отозвался Бельский.

— А то я уж, признаться, начал опасаться, что в нашем с вами ремесле вовсе не останется нужды.

От мансарды Левитана до метро было несколько кварталов. Бельский вышел один — детектив остался в своей конторе, сказав, что у него ещё есть дела.

Поплотнее запахнув пальто, Бельский зашагал по пустому тротуару, старательно обходя подмёрзшие лужи. Октябрьский вечер налился рваным ветром и уже не щадил тепла. Обувью для настоящих холодов Бельский ещё не обзавёлся, и это чувствовалось — ноги холодило.

Он шёл, подняв воротник и прижимая под мышкой конверт с фотографиями. Сорок два снимка. Сорок два появления одного и того же человека рядом с Сабуровым. Кто он? Друг? Родственник? Компаньон? Случайный спутник, ставший постоянным?

Бельский перебирал в уме возможные объяснения. Если незнакомец родственник — его давно должны были узнать. Если друг — кто-нибудь из прежнего окружения Сабурова наверняка упомянул бы его хотя бы вскользь. Но спрашивать было пока не у кого. Кроме двоюродной сестры, иной родни у пропавшего, насколько он понял, не осталось. Левитан говорил, что она передала чемодан, не открывая его ни разу. Как передают семейную вещь — не дорогую сердцу, но и не выбрасываемую, просто потому, что это память.

С кузиной, впрочем, всё равно следовало поговорить са-

мому. Не то, чтобы он не доверял Левитану — просто был уверен, что Игорь Ааронович искал в несколько ином направлении и задавал другие вопросы, чем задавал бы сам Бельский.

Телефон зазвонил, когда он стоял у перехода через дорогу, размеченного частыми жёлтыми полосами, точно шкура африканского зверя, виденного когда-то на картинке в английской книге. Бельский вынул аппарат, посмотрел на светящееся стекло. Звонила Корецкая.

— Добрый вечер, Алиса Валерьевна.

— Александр, вы где?

Голос у неё был быстрый, деловой, без всякого предисловия, даже без обычного приветствия. Бельский, уже начинавший понемногу привыкать к бесцеремонности нынешнего века, всё же внутренне поморщился.

— Иду к станции метро Бауманская. Был у Левитана.

— Далеко до станции?

— Ещё порядочно.

— Хорошо. Найдите где-нибудь чай и ждите. Я подъеду и заберу вас. Нам нужно съездить в одно место.

И связь оборвалась.

Бельский убрал телефон и огляделся. Место с чаем нашлось неподалёку — та самая лавочка с вывеской «Кофе с собой», мимо которой он недавно проходил. Он вернулся, взял бумажный стакан с горячим чёрным чаем и пил его медленно, маленькими глотками, почти полчаса, пока Корецкая

не позвонила снова, уточняя, где именно он устроился.

Он ответил, и через несколько минут к заведению подъехала её машина. Стекло со стороны пассажира опустилось; Корецкая крикнула прямо через окно, чтобы он сел, и кивнула на место рядом с собой, а не назад.

Бельский сел, пристроил конверт с фотографиями на коленях и лишь затем повернулся к ней.

Корецкая была одета в мешковатое серое платье нынешнего века — штаны и просторный балахон, почти такие же, какие он уже видел на Егоре. Волосы у неё были влажные; с них, должно быть, ещё недавно стекала вода, вымочив капюшон. Шрам над левой бровью, обычно не столь заметный, теперь проступал чётко — белёсой нитью на коже, покрасневшей то ли от ветра, то ли от холода.

— Добрый вечер, — повторил он.

— Недобрый.

Бельский помолчал, оценивая и отрывистый тон, и мокрые волосы, и одежду, совсем не похожую на обычный её вид. Потом сделал вывод, показавшийся ему в ту минуту совершенно разумным:

— Что-то случилось, Алиса Валерьевна? У вас голова мокрая.

— Плавала.

Выходит, она и в самом деле недавно была в воде. В конце октября, когда даже лужи уже прихватывает ледком.

— Вам бы домой, — заметил он. — Вода в такую пору

коварна. Если пробыть в ней более трёх минут, нужно без промедления в тепло.

Корецкая повернулась к нему — и вдруг улыбнулась. Улыбка вышла короткой, почти случайной, не то удивлённой, не то обескураженной, и тут же погасла. Но Бельский её заметил.

— Я в бассейне плавала, Александр, — пояснила она. — Там вода круглый год тёплая.

Бельский моргнул.

— В бассейне? — переспросил он. — То есть внутри здания?

— Да.

— И вода тёплая?

— Тёплая.

Он молча принял новые сведения, чуть кивнул и сказал:

— Это многое объясняет.

— Да? — Она не смотрела на него, но слегка склонила голову, словно прислушиваясь.

— Я всё размышлял, отчего у вас такой ровный цвет лица. Теперь понятно: регулярное плавание. Должно способствовать правильному кровообращению.

Корецкая фыркнула и повернула машину в поток.

— Нам через пол-Москвы, — сказала она. — Времени хватит. Рассказывайте, что вы там нарыли у своего интернет-Холмса.

Бельский поправил конверт на коленях и начал доклад —

обстоятельно, по порядку и без пропусков, как и полагалось.

Ехали долго.

Москва за окном сменила центр на спальные кварталы, потом на что-то более просторное и тёмное: деревья, пустыри, редкие огни. Бельский, держа конверт на коленях, кратко и по существу рассказал последние события и находки. Корецкая слушала, не перебивая. Только раз коротко хмыкнула при словах «искусственный интеллект» — не то одобрительно, не то с сомнением.

— И что вы об этом думаете? — спросила она, когда он закончил.

— Думаю, Левитан искал не там, — ответил Бельский. — Он искал в цифровом пространстве. А этот человек, спутник Сабурова, укрылся в ином. В бумаге. В памяти.

— В памяти?

— Фотографий слишком много, иные не несут никакой художественной ценности. Семья была памятливая. Бережливая к прошлому.

Корецкая кивнула. Машина, послушная её руке, свернула, и впереди, за деревьями, показались первые отсветы — синие, красные, пульсирующие. Бельский уже знал: так светят полицейские экипажи.

Подъезжая, Корецкая коротко сообщила, что они прибыли к Гребному каналу. Пояснять не стала, но Бельский и сам

сообразил: значит, место для лодок или состязаний на воде.

Канал в ночи выглядел мрачно. Длинная полоса воды уходила во тьму; фонари на столбах бросали жёлтый дрожащий свет на рябь. Пять или шесть полицейских машин стояли у ограды. За ней виднелись ленты оцепления, люди в форме, бетонный берег, лодка у причала. Красно-синие всполохи то выхватывали из темноты кусок плиты, то снова гасили его. Пахло водой — холодной, осенней, с гниловатым привкусом.

Корецкая поставила машину у обочины, вынула удостоверение и вышла, бросив через плечо:

— Идём. Только молчите. Я говорю — вы смотрите.

Он кивнул.

Сквозь оцепление они прошли вдвоём: Корецкая показала книжечку с гербом, что-то сказала и коротко указала на Бельского; тот прошёл в её тени, и никто не стал допытываться, кто он таков.

У самой воды стояла группа человек в пять. Один — старший, судя по нашивкам; двое в штатском; ещё кто-то в форме. Кто-то курил, прикрывая огонёк ладонью. При виде Корецкой сигарку поспешно затушили. Старший — высокий, чуть сутулый, с усталым лицом — шагнул навстречу.

— Алиса Валерьевна. Вы быстро.

— Поняли, как?

— Всплыл. Сторож заметил, позвал. Когда опера прибыли — уже у берега был.

— По документам?

— Паспорт. Как здравствуете. Прямо в наружном кармане.

— Показывайте.

Они двинулись к месту, где на бетонной плите лежало тело, накрытое серой тканью. Бельский шёл следом.

Утопленников он в жизни повидал достаточно. Морская служба отучает от лишнего ужаса перед мертвецом. Но одно дело — море, совсем другое — эта каменная плита под синими всполохами огней, где человек лежал уже не как умерший, а как вещь, выставленная для опознания.

Полицейский откинул ткань.

Лицо было уже почти не лицом. Вода и время сделали своё дело: черты угадывались лишь приблизительно. Мужчина. Тёмные волосы. Одежда — вернее, то, что от неё осталось, — Бельскому была незнакома. Он смотрел спокойно, без содрогания. Заинтересовало его другое.

Паспорт.

Тот самый, о котором говорил полицейский.

Корецкая взяла книжицу, раскрыла её. Даже стоя чуть позади, Бельский слышал хруст почти новых страниц. Вода не успела повредить ни обложку, ни печать, ни переливчатые защитные знаки.

— Паспорт новый, — заметил полицейский. — В воде меньше суток.

— А тело?

— Тело — не один месяц. Точнее скажут после исследования, но я бы сказал — полгода, а то и больше.

— Снова гольфисты?

— Да чёрт их знает, — полицейский пожал плечами. — Тут такое место, сами понимаете. Кто только не дурит. Заборы не спасают.

— Понимаю, — кивнула Корецкая.

Она уже собиралась было вернуть паспорт, но передумала и передала его назад, через плечо, Бельскому.

Тот взял.

Открыл.

И не сразу понял, зачем она это сделала.

Потом прочёл имя — и едва заметно дрогнул на имени: Бельский Александр Платонович.

А потом прочитал дату рождения, она показывала тысяча девятьсот девяносто первый год, и весь собрался. Снова ошибка, и снова на два года, уже в сторону от указанной в его нынешнем паспорте даты. Тот, кто делал паспорт утопленнику, не знал, как именно его идентифицировали в местной государственной структуре. Или же знал точное его время рождения там, в прошлом... Но тогда бы он указал и место: Санкт-Петербург. А в мокром паспорте почему-то была указана Москва. Опять ошибка. Многовато их для такого серьёзного дела.

Он закрыл паспорт и, не говоря ни слова, вернул его Корецкой.

Та передала документ дальше, попрощалась с полицейскими и направилась обратно к машине. Бельский пошёл ря-

дом. Позади вновь зазвучали голоса. Кто-то говорил о дальнейшем исследовании тела. Кто-то невнятно и нервно засмеялся чьей-то шутке.

В машине было тихо.

Корецкая завела мотор, но не тронулась. Сидела, положив руки на руль, и смотрела перед собой.

— Понимаете, зачем я вас сюда привезла? — спросила она наконец.

— Понимаю, — ответил Бельский. — Это не предостережение. Это показ.

— Именно. — Она повернулась к нему. — Кто бы это ни был, он знает ваше имя. Наверняка знает, где вы работаете. И у него достаточно возможностей, чтобы изготовить документ и подбросить к уже утопленному в канале.

— Я уже подумал об этом, — кивнул Бельский. — И, к слову, состояние тела скорее говорит о проточной воде, а не о стоячей, как здесь.

Корецкая вздохнула.

— Вы вообще хоть чего-нибудь не знаете?

— Разумеется, — спокойно ответил он. — Я не знаю, кто тот спутник Сабурова. И кому захотелось меня испугать. И зачем. И почему так театрально. И ещё многого не знаю.

— Тогда примите к сведению ещё одно, — сказала она тише. — Здесь, в Москве, в благородство не играют. И в театр тоже.

Он не ответил. Смотрел на синие огни, отражавшиеся в

лужах на асфальте, и думал о том, что впервые за двести лет кто-то захотел его убить по-настоящему. С расчётом. С приготовлением. С вежливо оставленным посланием.

Машина тронулась. Бельский заметил, что Корецкая миновала поворот к метро — знак в виде буквы «М», светившийся у бульвара, остался позади.

— Позвольте спросить, куда мы едем? — сказал он.

— Уж точно не к вам домой.

На сей раз ехали и впрямь долго — почти два часа.

Корецкая вела быстро. Деревья и столбы мелькали в окнах так, что глаз не успевал зацепиться. А когда машина вышла на широкую, ровную и ярко освещённую дорогу, она разогнала её до такой скорости, что Бельскому стало не по себе. Не от страха — от ясного понимания, как далеко человек ушёл за какие-то двести лет. Машина неслась, как птица в воздухе, только ни одна птица, известная Бельскому, не могла бы с нею тягаться.

Он проговорил вслух мысль, что возникла почти сама собой:

— А воздушные машины у вас имеются?

— Имеются, — просто ответила Корецкая. — Самолёты.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Не замечали до сих пор? Над вашим домом глиссада к аэропорту.

— Простите?

— Ваш дом недалеко от места, где самолёты садятся и взлетают. Воздушный вокзал. Я думала, вы первым делом увидите. С двадцать третьего этажа-то.

Бельский припомнил, что несколько раз действительно слышал странный шум в небе, но до сих пор принимал его за отзвуки далёкого грома.

— Самолёты, как я понимаю, ещё быстрее машины?

Корецкая не выдержала и рассмеялась. Смех её был искренний, хотя и с нервной ноткой, как бывает у человека, слишком долго державшего напряжение в себе.

— Простите, Александр, — сказала она, вытирая выступившие слёзы. — Я всё никак не привыкну к вашей... особенностям.

— Понимаю.

— А самолёты... Они разные. Скоро будем проезжать мимо аэродрома перед Можайском — там лёгкие машины. Эти не слишком быстры, пожалуй. Раза в два-три быстрее автомобиля.

— А которые летают над моим домом?

— Ещё быстрее, — она чуть прищурилась. — Вам и правда это так интересно?

— Да, весьма.

Он не лгал. Техника всегда влекла его, и потому Англия в своё время произвела на него такое сильное впечатление.

— Около часа чистого полётного времени. А военные ещё быстрее.

Бельский сперва даже не поверил.

Один час меж двумя столицами? Впрочем, чему он удивляется... Вон, ограждение вдоль дороги, за которое от скорости и взглядом не уцепиться. Поэтому не стал ни спорить, ни переспрашивать.

— Вот ведь как, — всё же проговорил он. — Куда бы че-

ловек ни взошёл, он всюду приносит с собой и войну. Даже в небо.

— Таков человек, — коротко ответила Корецкая.

С этим и впрямь было трудно спорить.

Мысль, впрочем, пришла и другая — тяжёлая, неудобная. не прогневает ли человек когда-нибудь Господа, если начнёт так свободно вторгаться в небесную область? Но мысль эта была слишком велика и безответна, чтобы держать её при себе, и Бельский отогнал её прочь.

Они миновали Можайск, в котором ему прежде бывать не доводилось. Разве что узнал в темноте силуэт кремля на холме справа от дороги. Примерно в этих местах, чуть западнее, двести с лишним лет назад стояла армия. Он помнил карты, помнил сводки, помнил тот год — тысяча восемьсот двенадцатый, когда ему было двадцать три и он, как и другие молодые мичманы, с напряжением слушал вести об отступающей русской армии. А потом — и о сданной врагу Москве. И затем, как будто Господь вдруг вмешался — французы внезапно покатались прочь от Белокаменной. К слову, вот по той самой дороге, или какой-то рядом, по которой в том же направлении едет он сам.

Наконец добрались до места.

Корецкая свернула влево, и по уже совсем узкой, неровной дороге, бежавшей между крепкими деревенскими домами, они подъехали к нужному двору.

— Это дача, — сказала Корецкая, отщёлкивая ремень,

державший её в кресле.

— Ваша? — Бельский тоже нажал кнопку; ремень сам ушёл в свою щель.

— Нашей семьи.

Он удивился. Слова этого — семья — он от неё прежде не слышал.

— Родительская, — добавила она, уловив его взгляд. — Точнее, теперь уже отцовская.

Корецкая резко открыла дверь и вышла в темноту. Бельский последовал за ней — через калитку в дом.

Там пахло деревом и было удивительно тепло для такой погоды. Корецкая быстро, по-хозяйски, провела его по комнатам: гостиная с камином, кухня, лестница наверх.

— Ваша комната — вот, слева. Всем, что есть, пользуйтесь. Это отцовское, а вы с ним почти одной фигуры.

Говорила она коротко, деловито, но без обычного холода. Скорее так говорит человек, делающий необходимое и не желающий из этого делать ни подвига, ни чувства. Точно так же продолжила и про обживание: где котёл, как включить, как поправить температуру в доме, если потребуется, где найти источники электричества для приборов — чайник, например. При этом женщина ни на секунду не позволила себе иронии или усмешки. Как будто в самом деле объясняла человеку из другого времени.

— Когда я смогу вернуться домой? — спросил Бельский, когда лекция окончилась.

Корецкая остановилась у двери и обернулась.

— Когда я удостоверюсь, что ваше пребывание в городе безопасно.

Он спорить не стал.

— Вещей у меня нет, — заметил он. — Даже мундира. Он остался в участке.

— Я распоряжусь.

Она произнесла это так же просто, как если бы речь шла о хлебе или свече. Потом уже взялась за ручку двери.

— Еды пока нет, но утром будет. Вода из крана питьевая. Что-то ещё?

— К утру дом выхолодится, — сказал он. — Где топливо?

— Забудьте, — усмехнулась Корецкая. — Тут газ подведён, всё работает само. Не замёрзнете.

— Тогда вопросов не имею, Алиса Валерьевна.

— Отлично. — Она слегка улыбнулась. — Телефон не отключайте. Завтра созвонимся. Нет, постойте. Дайте его сюда.

Он вынул аппарат и передал ей. Корецкая включила экран, быстро взглянула на светящееся стекло и тут же вернула телефон, по-видимому довольная увиденным.

— На пару дней хватит. Если что, пришлю зарядку. Или сами купите — напротив церкви есть лавка.

Они спустились вниз, и Корецкая, не теряя времени, сразу села в машину. Бельский остался на веранде и смотрел, как удаляются красные огни. Сначала два ярких пятна, потом две точки, потом и они скрылись за поворотом. Он остался

один — на холодном ветру, который к ночи только усилился и раскачивал молодые сосны. Где-то в деревне залаяла собака — и тут же смолкла.

Он постоял ещё немного, потом повернулся и вошёл в дом.

Поднялся в отведённую ему комнату. Она оказалась небольшой, но уютной: деревянные стены, кровать под лоскутным одеялом, стол у окна, книжная полка с несколькими томами — беллетристика, какие-то технические справочники, брошюры. Бельский провёл пальцем по корешкам, оглядел стены — и вдруг замер.

В углу, под самым потолком, висела маленькая полочка. А на ней — иконы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.